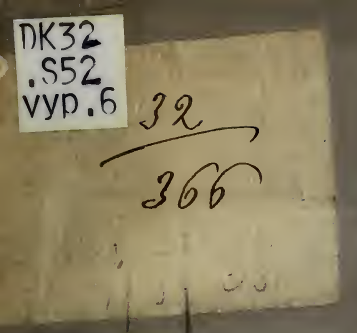

ОТГОЛОСКИ

XVIII вѣка.

ВЫПУСКЪ VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1899.

ОТГОЛОСКИ

XVIII вѣка.

ВЫПУСКЪ VI.

ДВѢ КАЛМЫЧКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1899.

2833

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюля 1899 г.

Калмычка
Анна Николаевна.

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С П Б. МЭЩ. 2-57.

Въ первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны, когда канцлеръ князь А. М. Черкаскій еще находился у дѣлъ, особое значеніе получили Калмыцкія дѣла. На вѣсти, приходившія изъ Астрахани и Царицына, обращено было особое вниманіе. Генералъ-поручикъ Таракановъ не перестаетъ доносить о дѣлахъ Персидскихъ и Калмыцкихъ. Въ то время среди Калмыцкаго народа обозначилось сильное движеніе и правительство признало неотложнымъ принять ихъ подъ свое непосредственное покровительство и ввести между ними новые порядки. Большое участіе принималъ въ этихъ дѣлахъ князь А. М. Черкаскій, къ которому Калмыки обращались съ особеннымъ довѣріемъ.

Императрица Елизавета Петровна приняла къ сердцу Калмыцкія дѣла; она охотно давала

у себя пріютъ дочерямъ знатныхъ Калмыковъ, искавшихъ ея покровительства. Какъ при дворѣ императрицы Анны появлялись Молдованки и даже Персіянки, такъ при Елизаветѣ въ обычай вошли Калмычки.

Тоже повторилось и въ домѣ канцлера князя А. М. Черкаскаго. Онъ далъ у себя пріютъ двумъ малолѣтнимъ Калмычкамъ, воспитаніемъ которыхъ занялась его дочь, княжна Варвара Алексѣевна.

Съ выходомъ замужъ за графа П. Б. Шереметева она перевезла къ нему въ домъ и своихъ воспитанницъ.

Росли онѣ въ полномъ довольствѣ; за ними съ любовью слѣдила графиня Варвара Алексѣевна. Сохранились портреты ихъ въ Кусковскомъ нашемъ домѣ масляными красками, овальные, поясные. Одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ гравированный портретъ съ слѣдующею надписью: „La Comtesse Barbara Chérémèteff. I. Argounow pinxit. Anno 1767. Nov. 27“ [1]).

---

[1]) Портретъ этотъ, воспроизведенный посредствомъ фототипіи, приложенъ въ началѣ книги.

Смуглыя головки, съ отличительными признаками своей народности, Калмычки росли какъ дѣти дома, называя Варвару Алексѣевну бабушкой; онѣ были окружены самыми нѣжными ея заботами и попеченіями. Одну изъ нихъ звали Анной Николаевной, другую Екатериной Борисовной.

Сохранились письма графини Варвары Алексѣевны къ Аннѣ Николаевнѣ, написанныя до 1767 года:

„Душа моя, Аннушка, здравствуй со всей своей свитой! Пріѣзжай, душа моя, къ намъ скорѣй. Боже, благослови путь вашъ и дай Боже въ радости тебя видѣть.

„Дединька, маманька, тетя, тятя и я тебя цѣлуемъ и глазушки твои таракашки.

„Баба твоя Варвара Шереметева.

„Мавра и всѣ тебѣ кланяются.

„16 марта. Пятница“.

Другою рукою, которою написанъ адресъ:

„Тотъ ямщикъ тебя везъ изъ Москвы въ Петербургъ и теперь меня везъ, ѣдучи въ Москву“.

Адресъ: Аннѣ Николаевнѣ. Калмычкѣ графини

Варвары Алексѣевны Шереметевой, а съ ней ѣдетъ дворецкій Василій Вороблевскій [1]), которому и отдать сіе письмо.

Слѣдующія письма точно также безъ обозначенія года:

„Аннушка, душа моя, здравствуй! Письмо отъ тебя получила въ Хотиловѣ, въ четвергъ, 15 дня. Благодарствую матушка какъ, матушка душа моя, за письмо и радуюсь, что Богъ далъ легче. Боже, дай намъ скорѣе въ радости видѣться. Вручаю тебя въ милость Божію и Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ.

„Бабушка твоя Варвара Шереметева.

„Домнушкѣ и Катюшѣ отъ меня поклонъ. Спасибо за письмо, что такъ пишешь о твоемъ мнѣ надобномъ здоровьѣ и всѣмъ спасибо, кто тебя не покидаетъ. Государынѣ моей Пелагеѣ Васильевнѣ кланяюсь и благодарствую,

---

[1]) Василій Вороблевскій, впослѣдствіи библіотекарь графа Петра Борисовича Шереметева, пользовался его довѣріемъ и нерѣдко встрѣчается въ дѣлахъ домашняго архива.

что она тебя не покидаетъ. Сама ей буду служить.

„Динька тебѣ кланяется и велѣлъ тебя поцѣловать и носочекъ, и глазушки дорогіе. Мама и тетя тебѣ кланяются и Катинька и барашня Мавра и Настасья, Авдотья и всѣ наши кланяются“.

Другой рукой:

„Душа моя сестрица Анна (зачеркнуто „Петровна“) Николаевна! Желаю вамъ, что ты бы, душа моя, выздоровлѣла, да пріѣзжала на приморскій дворъ, а мнѣ очень скушно безъ тебя. Да увѣдомь, душа моя, каково тебѣ. При семъ остаюсь сестра Прасковья Михайловна“.

Рукою графини Варвары Алексѣевны Шереметевой:

„Съ ямщикомъ, который отдастъ тебѣ это письмо, посылаю тебѣ кулечекъ сухариковъ Вышневолоцкихъ, а мы сегодня обѣдали въ Вышнемъ Волочкѣ“.

Сохранился слѣдующій указъ графа Петра Борисовича къ своему довѣренному упра-

вителю Василію Замятину отъ 8-го марта 1767 года:

„На содержаніе Аннушкѣ Калмычкѣ оставлено тебѣ 400 рублевъ, кот(орые) брать изъ аптеки лѣкарство для нея держать, что приказано будетъ отъ лѣкаря Кутанье; кормить оставленныхъ при ней людей, чтобъ были сыты, а что за тѣмъ расходомъ останется отдать Василію Вороблевскому, при отправленіи ея въ Москву, на платежъ прогонамъ и на содержаніе въ дорожномъ пути. Въ другіе же расходы, кромѣ ея содержанія, никуды изъ тѣхъ денегъ ни одной копейки ни держать. Аптекарю же Хинсіяну (?) за пользованіе ея подарено сто рублевъ и больше не дарить.

Г. П. Ш.“

Другой указъ отъ 29-го марта 1767 года тому же Замятину:

„Отписка твоя отъ 19 дня сего мѣсяца и притомъ присланныя ко мнѣ изъ Москвы отъ управителя письма получены. Аннушка Калмычка со всѣми, кто при ней отправлены изъ

Петербурга, сюда пріѣхала вчерашняго дня благополучно.

„Я здѣсь совсѣмъ еще не разобрался, за тѣмъ ни о чемъ не пишу, а буду еще писать впредь.

Г. П. Ш.“

Въ спискахъ живущихъ въ домѣ постоянно упоминаются Анна Николаевна и Екатерина Борисовна, причемъ обозначено и получаемое ими пособіе.

Татьяна Васильевна Шлыкова хорошо ихъ помнила и часто объ нихъ разсказывала весьма сочувственно.

Неизвѣстно, въ которомъ году, но одна изъ калмычекъ, Екатерина Борисовна, переѣхала на житье въ домъ графини Анны Карловны Воронцовой, съ которою графъ Петръ Борисовичъ былъ въ дружбѣ. Сохранилась въ домашнемъ архивѣ записка отъ 1773 г., въ которой мы читаемъ: „Анна Николаевна проситъ, чтобы освѣдомиться въ домѣ графини Анны Карловны о сестрѣ ея Катеринѣ Бори-

совнѣ, все ли они здоровы и о томъ увѣдомить, ибо отъ нея она давно не имѣетъ писемъ и не знаетъ причины, для чего къ ней не пишетъ". Только по кончинѣ графини произошло нѣкоторое колебаніе относительно дальнѣйшей судьбы калмычки.

Озабоченный этимъ графъ Петръ Борисовичъ слѣдитъ за ея положеніемъ и поручаетъ своему неизмѣнному Петербургскому управителю Петру Александровичу доносить ему о Екатеринѣ Борисовнѣ. Съ своей стороны и она обращается за посредничествомъ къ тому же Петру Александровичу. Въ 1775 г. она пишетъ:

„Государь мой Петръ Александровичъ!

„Я увѣрена, что Вы не читали моего письма и это очень легко можетъ случиться, что дочь ваша сдѣлала, а впротчемъ *я ничего* не могу *увѣдомить*, потому что по сихъ поръ отъ графа Мартына Карловича [1]) никакой резолюціи не вышло и при первомъ своемъ сви-

---

[1]) Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, братъ графини Анны Карловны Воронцовой.

даніи со мной сказалъ, что прежде надо долги оплатить, а ужъ потомъ думать объ насъ, а чтобъ я осталась на всегда въ ихъ домѣ, то я никакъ этого не думаю, имѣя надежду, что его сіятельство графъ Петръ Борисовичъ меня возьметъ въ домъ. Можетъ быть онъ въ томъ разумѣ сказалъ, что я останусь жить здѣсь, пока я буду въ Петербургѣ, а то я никогда этого и не думала, не только чтобъ говорить. Отъѣздъ же, думаю, не скоро будетъ, потому что этотъ Вишневскій скоро очень ѣдетъ, а я такъ не могу, не имѣя никакого рѣшенія отъ графа Мартына Карловича. Госпожа Чепчюгова это сказывала мнѣ и никакъ не знаю, можетъ быть, какъ она жила у насъ въ домѣ, такъ слышала отъ покойной графини или отъ кого другого, впрочемъ остаюсь Вамъ вѣрная услужница

Е. Куракина.

„Я сказывала графу, что Его Сіятельство графъ Петръ Борисовичъ изволитъ меня брать къ себѣ въ домъ, чему онъ очень радъ, только то и еще не сказывала, что намѣрена

ѣхать съ Вишневскимъ, да теперь я и погожу, потому, что сестра моя ко мнѣ пишетъ, что и графъ Петръ Борисовичъ тоже совѣтуетъ, чтобъ не спѣшить мнѣ своимъ отъѣздомъ отсюда".

Въ 1776 году она же пишетъ къ графу Петру Борисовичу:

„Ваше высокографское сіятельство, милостивый государь, графъ Петръ Борисовичъ!

„Извѣстно вашему сіятельству отъ моей сестры, остановка въ моемъ предпріятіи, отъ его сіятельства графа Мартына Карловича, въ томъ, чтобъ вы, милостивый государь, сдѣлали ему эту честь, я отписалъ свое благоволеніе для принятія меня въ свое покровительство; что будетъ служить знакомъ милости вашего сіятельства ко мнѣ и къ увѣренію его сіятельства графа Мартына Карловича объ вашемъ соизволеніи.

„О чемъ я прошу нижайше вашего сіятельства сдѣлать мнѣ милость и благодѣяніе своимъ начертаніемъ къ графу Мартыну Карло-

вичу, которое сдѣлаетъ рѣшеніе моей судьбы, ибо онъ изволилъ проговаривать, когда я поѣду, то, конечно, онъ опредѣлитъ вѣрное мнѣ, чѣмъ бы я могла прожить; отчего изволите милостиво разсудить ваше сіятельство, сколь мнѣ ваше милостивое соизволеніе нужно и полезно.

„А прочее извѣстно вамъ, милостивый государь, все отъ моей сестры; такъ пріимите нижайшую просьбу, какъ отъ нея, такъ и отъ меня, равно вашими благодѣяніями обязанные, вамъ, милостивый государь, съ достодолжнымъ и глубочайшимъ почтеніемъ пребуду вашему высокографскому сіятельству покорная и нижайшая услужница Е. Куракина [1]).

1776, мая 9 числа.
С.-Петербургъ“.

Результатомъ переписки было возвращеніе Екатерины Борисовны въ домъ нашъ, гдѣ

---

[1]) Почему она подписывалась „Куракина“, еще не выяснено.

неотлучно находилась ея „сестра" Анна Николаевна.

Всего болѣе сохранилось писемъ Анны Николаевны къ графу Петру Борисовичу отъ 1781—1782 гг., съ отвѣтами послѣдняго. Они относятся ко времени поѣздки его въ Петербургъ съ депутаціею Московскаго Дворянства для представленія императрицѣ Екатеринѣ II. Передъ тѣмъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Пріѣздъ перваго губернскаго предводителя Московскаго Дворянства и первой дворянской депутаціи былъ событіемъ, оживившимъ общество и дворъ. Не легко было графу Петру Борисовичу пуститься въ дальній путь, да еще зимою. Давно отсталъ онъ отъ Петербурга и суеты его, но почтенный лестнымъ избраніемъ, онъ не могъ уклониться.

Императрица Екатерина II оказала ему вниманіе, и пребываніе депутаціи въ Петербургѣ при всей суетности и при всемъ утомленіи имѣло нѣкоторое общественное значеніе.

Вотъ что упоминаетъ объ этомъ пріѣздѣ Камеръ-Фурьерскій журналъ:

„11 декабря 1782 г. Въ Воскресенье, по утру, какъ обыкновенно, въ комнатѣ, духовникомъ Ея Величества отправлена утреня; потомъ, въ 11-мъ часу, съѣхались ко двору Ея Императорскаго Величества знатныя Россійскія обоего пола и придворные персоны, господа чужестранные министры и знатное дворянство и особо прибывшіе изъ Москвы Губернскій Предводитель, генералъ-аншефъ, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, съ десятью уѣздными той губерніи предводителями, и собирались придворные въ кавалерской комнатѣ, а прочія въ парадныхъ покояхъ.

„Между тѣмъ въ аппартаменты Ея Императорскаго Величества прибытіе имѣть изволили Ихъ Императорскія Высочества Государь Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня.

„Потомъ, въ 12 часу, предъ полуднемъ Ея Императорское Величество съ Ихъ Императорскими Высочествами изволила имѣть вы-

ходъ въ столовую комнату, къ слушанію литургіи, послѣ которой, вышедъ изъ фонарика въ церковь, благоволила Ея Величество и Ихъ Высочества къ рукѣ жаловать преосвященнаго Гавріила архіепископа Новгородскаго и С.-Петербургскаго и духовника Ея Величества, а потомъ, въ церкви жъ, Ея Императорскому Величеству представлены статсъ-дамою графинею Матюшкиною прибывшія изъ Москвы княгиня Барятинская и прочія знатныя дамы, до 8 персонъ.

„По возвращеніи изъ церкви, въ парадныхъ покояхъ, при входѣ въ комнату, гдѣ постъ кавалергардовъ, пожаловала къ рукѣ Ея Величество чужестранныхъ министровъ, а потомъ, въ той же комнатѣ, представлены Ея Императорскому Величеству Генералъ-Прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ прибывшіе изъ Москвы:

Губернскій предводитель графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ и съ нимъ уѣздные предводители:

Воскресенскій,	Тайный Совѣтникъ графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ.
Дмитревскій,	Генералъ - маіоръ князь Иванъ Ѳеодоровичъ Голицынъ.
Московскій,	Камергеръ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ и Камергеръ же, графъ Николай Петровичъ Шереметевъ.
Богородскій,	Камергеръ Сергѣй Алексѣевичъ Всеволодской, и бригадиры: Иванъ Ивановичъ Козловъ и Михайло Михайловичъ Матюшкинъ.
Серпуховской,	Надворный Совѣтникъ Петръ Ѳеодоровичъ Нащокинъ.
Коломенскій,	Ротмистръ Яковъ Аѳанасьевичъ Татищевъ и
Можайскій,	Секундъ-Ротмистръ Николай Петровичъ Савеловъ.

„Изъ нихъ помянутый Губернскій Предводитель Его Сіятельство графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ отъ лица всего Московскаго Дворянства, предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, говорилъ краткую благодарственную рѣчь, а послѣ оной, какъ оный губернскій предводитель графъ Шереметевъ, такъ и присланные съ нимъ депутаты, жалованы къ рукѣ.

„По семъ, Ея Величество, прибывъ въ кавалерскую комнату, изволила жаловать къ рукѣ знатный генералитетъ и придворныхъ кавалеровъ, а потомъ, въ комнатѣ же гдѣ вещи бриліантовыя, благоволила играть въ шахматы въ 4-хъ персонахъ съ знатнымъ Генералитетомъ . . . .

„Послѣ того Ихъ Высочества прибыли въ аппартаменты Ея Величества и до приготовленія обѣденнаго стола присутствовали же въ комнатѣ, гдѣ вещи бриліантовыя.

„Потомъ обѣденное кушанье изволили имѣть Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества въ столовой комнатѣ на

29 кувертахъ, къ чему приглашены были слѣдующія персоны:

1) Его Свѣтлость Принцъ Виртембергъ-Штутгардскій.

2) Ея Свѣтлость Принцесса Виртембергъ-Штутгардская.

3) }
4) } Фрейлины дежурныя.
5) }

6) Гофмейстерина Ея Свѣтлости графиня Левенштернъ.

7) Дежурный генералъ-адъютантъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

8) Александръ Александровичъ Нарышкинъ.

9) Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ.

10) Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

11) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

12) Федоръ Ивановичъ Вадковской.

13) Кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземской.

14) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.

15) Бѣлорусскій генералъ - губернаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ.

16) Тайный Совѣтникъ графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ.

17) Вице-Канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ.

18) Князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинской.

Дежурные Камергеры:

19) Князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій.

20) Евграфъ Александровичъ Чертковъ.

21) Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.

22) Алексѣй Ѳеодоровичъ Сабуровъ.

Камеръ-Юнкеры:

23) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

24) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковской.

25) Князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ.

26) Василій Петровичъ Салтыковъ.

„Въ вечеру, въ 7-мъ часу, въ покояхъ Ихъ Высочествъ представлены Ихъ Императорскимъ Высочествамъ господиномъ оберъ-камергеромъ И. И. Шуваловымъ, упомянутый губернскій предводитель графъ Шереметевъ, съ нимъ и уѣздные предводители.

„Вечеромъ Императрица съ знатными персонами благоволила играть въ карты.

На слѣдующій день 12 декабря праздновалось рожденіе великаго князя Александра Павловича. Опять торжество при дворѣ и парадный обѣдъ на 42 куверта и на которомъ присутствовалъ графъ Петръ Борисовичъ.

Тутъ же князь Г. А Потемкинъ, князь Н. В. Репнинъ, И. И. Шуваловъ, графъ Г. Н. Орловъ, А. Д. Ланской, князь А. А. Вяземскій, графъ И. Г. Чернышевъ, А. А. и Л. А. Нарышкины.

За столомъ пили за здравіе и палили изъ крѣпости.

„Столъ сервированъ кушаньемъ въ двѣ перемѣны, на золоченомъ сервизѣ; кончился оный пополудни въ 2 часа и послѣ стола Ея Величество благоволила отсутствовать въ свои покои.

„Вечеромъ балъ, на слѣдующій день 13 декабря опера „Орфей".

„17-го панихида по императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

„19-го въ Понедѣльникъ, къ полудню, съѣхались ко двору Ея Императорскаго Величества придворныя дежурныя обоего пола и прибывшіе отъ Дворянства Московской губерніи депутаты и собирались въ Кавалерской комнатѣ, куда потомъ, во 12 часу, Ея Императорское Величество изъ внутреннихъ своихъ комнатъ изволила выдти; по продолженіи съ собравшимися особами разговоровъ, благоволила имѣть обѣденное кушанье, въ столовой комнатѣ, на которомъ присутствовавшіе были всѣ и Московской губерніи депутаты“.

„25-го декабря большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ Петръ Борисовичъ.

„26-го декабря отдѣльный обѣдъ у Цесаревича въ своихъ покояхъ, а къ столу были приглашены Московскій Губернскій Предводитель графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ съ депутатами.

„Вечеромъ ко двору пріѣздъ имѣла госпожа оберъ-гофмейстерина графиня Марья Андреевна Румянцова съ поздравленіями.

„28-го Концертъ.

1 января 1783 г. московскіе депутаты откланялись.

Переписка между графомъ Петромъ Борисовичемъ и Анной Николаевной продолжается во все время пребыванія его въ Петербургѣ.

Съ нимъ въ Петербургъ поѣхалъ и неизмѣнный его спутникъ по охотѣ и родственникъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, правнукъ старшаго сына фельдмаршала Шереметева. Князь Долгорукій, проживавшій въ домѣ, повидимому, также былъ близокъ къ Аннѣ Николаевнѣ, съ которою за это время ведетъ переписку. Письма его отличаются нѣкоторою игривостью, обличающею его характеръ:

„Чѣмъ я хуже кажуся?“ писалъ онъ ей отъ 12-го декабря 1781 года „и платья ношу по французски, рукава все узкіе—ну, полно пенять, а зачинаю къ вамъ реляцію писать!

„Во первыхъ, какъ мы пріѣхали въ среду 7 числа въ 10 часу, а на другой день графъ поѣхалъ во дворецъ и государыня изволила принять его очень, очень милостиво; и тамъ обѣдалъ и ужиналъ, а въ пятницу также, да

и всякой день. Да не подумайте же, чтобъ не успѣлъ онъ и меня проучить, по милости Божіей и я просидѣлъ 2½ часа у подъѣзда въ каретѣ, насилу прислалъ сказать, чтобъ я ѣхалъ домой. А вчерась была аудіенція и вы этому не повѣрите, какъ графъ говорилъ хорошо, хотя бы лучшій ораторъ, и государынѣ такъ было пріятно, что видно это на ея лицѣ, а мнѣ случилось стоять близко.

Князь Иванъ Долгоруковъ.

С.-ПБ. Декабря 28 дня, 1782 г."

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

. . . . „А я и во дворецъ севодни не поѣхалъ затѣмъ, чтобы только успѣть къ завтрему письма къ вамъ отписать. Затѣмъ у насъ будетъ много гостей званыхъ, что ни самыхъ матіорыхъ людей, поимянно писать много. . . . .

„А нонича графъ поѣхалъ во дворецъ представлять свою команду маленькимъ великимъ князьямъ, а обѣдалъ у Завадовскаго. Да притомъ въ бытность здѣсь старикъ нашъ замо-

тался и всѣхъ обыгрываетъ. Въ началѣ великаго князя и княгиню и всѣхъ своихъ сотоварищей и выучился въ макау играть, а выигралъ рублевъ съ 300. Такъ то насъ знать— у насъ въ Петербургѣ.

. . . . „Думаю, что мы, конечно, выѣдемъ послѣ Крещенья въ первое Воскресеніе. Писалъ бы и больше, да не даютъ мнѣ писать, мѣшаютъ, приступаютъ все въ карты играть.

Покорный слуга князь Ив. Долгоруковъ.

С.-ПБ. 1 Генваря 1783 г.“

Далѣе онъ пишетъ:

„Нынѣшній день нашъ предводитель откланялся и надѣюсь, что, конечно, мы выѣдемъ послѣ Крещенья, да вотъ еще что со мной нонича сдѣлалось. Я поѣхалъ по утру съ графомъ во дворцѣ и обѣдню тамъ слушалъ. Лишь только изъ церкви вышелъ, а у меня изъ кармана записную книжку вытащилъ добрый человѣкъ и съ ассигнаціями на сто рублевъ, а у маіора Конной Гвардіи табакерку съ бриллiантами. У маіора и совсѣмъ про-

пало, а мое добро и въ водѣ не тонетъ и на огнѣ не горитъ, мою отыскали, да только вся изорвана, но деньги то цѣлы, слава Богу.

Покорный слуга князь Иванъ Долгоруковъ."

Въ письмѣ къ Аннѣ Николаевнѣ онъ пишетъ:

„Премного ублаженная и почтенная сударыня Анна Николаевна! Ей Богу хочется писать, боль да почести руки не служатъ и глаза не глядятъ. И тако рекомендую себя въ неотмѣнную вашу ко мнѣ любовь и пребуду вашъ всеуниженный слуга

Князь Иванъ Долгоруковъ."

Одновременно шла переписка Анны Николаевны съ графомъ Петромъ Борисовичемъ.

Судя по письмамъ князя Долгорукаго, видно, что князь былъ большой весельчакъ и балагуръ, не стѣснявшійся въ своихъ выраженіяхъ. По всей вѣроятности прозвище „Купидонъ" относится къ нему. Такіе типы были необходимою принадлежностью быта того времени. Захудалый князь состоялъ при графѣ Петрѣ Бори-

совичѣ какъ бы на службѣ и, по всей вѣроятности (судя по его письмамъ), былъ его souffre douleur.

Кромѣ князя Долгорукаго графа Петра Борисовича сопровождалъ въ Петербургъ и другой неизмѣнный спутникъ по охотѣ, проживавшій въ домѣ, баронъ Лоутицъ: о перепискѣ послѣдняго съ Анной Николаевной упоминается, но, къ сожалѣнію, самыя его письма къ ней не сохранились.

Въ слогѣ писемъ графа Петра Борисовича чувствуется близость Петровскаго времени. Въ выраженіяхъ его, въ шуткахъ и въ оборотахъ видѣнъ коренной русскій складъ. Старикъ тяготится пребываніемъ въ Петербургѣ, устаетъ и съ нетерпѣніемъ думаетъ о возвратѣ въ Москву, гдѣ жизнь его протекаетъ по заведенному и никѣмъ не нарушаемому порядку. Но онъ доволенъ оказаннымъ ему и пріемомъ, и вниманіемъ императрицы Екатерины II. Видно особенное сочувствіе его къ молодому двору. Онъ впервые видитъ молодыхъ великихъ князей и очарованъ любезностью великой княгини

Маріи Өеодоровны. Дѣйствительный камергеръ временъ Анны и Елизаветы, оберъ-камергеръ императора Петра III, одинъ изъ хранителей „драгоцѣннаго залога“ въ 1762 году, генералъ-аншефъ императрицы Екатерины II, нынѣ только что избранный Губернскимъ Предводителемъ, въ послѣдній разъ посѣщаетъ давно ему знакомый Петербургъ и всматривается въ будущаго Александра I.

Въ сношеніяхъ его съ Анной Николаевной видна патріархальность и дружба. Она не иначе называетъ его какъ „дѣдушка“; своимъ присутствіемъ она, какъ воспитанница жены, напоминала ему прошлое. Она, видимо, умна и занимаетъ исключительное въ домѣ положеніе на правахъ родственницы. У нея свой кругъ знакомыхъ и разнообразный: Вѣра Борисовна Лопухина, графиня В. П. Разумовская, княжна В. И. Мосальская принимаютъ ее какъ близкую. Она обѣдаетъ у Анны Семеновны Шереметевой, ведетъ знакомство съ Натальей Яковлевной и Марөой Васильевной Шереметевыми и, повидимому, въ курсѣ придворныхъ дѣйствъ.

Ея отзывъ объ Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ любопытенъ, какъ характеристика; равно интересно и сообщенное ею о Ланскихъ.

Она хорошо знаетъ и домашній строй хозяйства графа Петра Борисовича, а Прасковью Ивановну помнитъ съ ея дѣтства.

1-го января 1783 г. Московскіе депутаты откланялись.

Вернувшись въ Москву, графъ Петръ Борисовичъ зажилъ въ ней своею обычною жизнію, не разлучаясь съ Анной Николаевной.

За все время своего пребыванія въ Петербургѣ графъ Петръ Борисовичъ находился въ постоянной перепискѣ съ Анной Николаевной. Онъ съ большими подробностями описываетъ ей каждый почти свой день, проведенный въ Петербургѣ. Вотъ эти письма:

1.

1-го декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Дѣдушка, дорогой мой!

Пользуюсь сей оказіей, чтобъ вамъ изъяс-

нить, сколь мнѣ чувствительно, раставшись съ вами, по моей искренней къ вамъ привязанности и истинной за всѣ ваши ко мнѣ милости чувствительной благодарности, которая будетъ запечатлѣна въ моемъ чуствительномъ сердцѣ, и при ономъ прошу васъ, дѣдушка, дорогой мой, продолжать оныя, которыя составляютъ все благополучіе моей жизни. Теперь одно остается мнѣ желать, чтобъ ваше для меня столь драгоцѣнное здоровье было непремѣнно и непоколебимо, и чтобъ вамъ поскорѣе сюда возвратиться благополучно.

Обо мнѣ, ежели изволите знать, мы благополучно возвратились въ Москву въ 10 часовъ съ половиной, и докторъ Ладо [1]) пріѣзжалъ увѣдомиться о вашемъ здоровьѣ.

Препоручаю себя въ ваши милости, цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ всепокорная и нижайшая услужница ваша.

---

[1]) Докторъ Ладо, довѣренное лицо графа Петра Борисовича и его постоянный врачъ.

2.

2-го декабря 1782 г. Тверь. Въ полдень.

Анна Николаевна!

Я доѣхалъ въ Тверь, гдѣ сегодня и обѣдаю. Ночевать думаю въ Торжкѣ. Скоро ѣду; время очень тепло и дорога очень хороша, и коли такъ все поѣду, то уповаю, что буду восьмое число въ Петербургъ. Въ Твери стою у стараго хозяйна, но его нѣтъ. Онъ умеръ.... ......Скажите всѣмъ живущимъ внизу, какъ я ѣду и здоровъ. Прощай! Откудово удастся, писать буду.

3.

5-го декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дѣдушка, дорогой мой!

Письмо ваше я имѣла честь получить изъ Твери отъ 2 декабря въ субботу въ 9 часовъ ввечеру, за которое приношу вамъ покорнѣй-

шую и чувствительную мою благодарность, что изволите меня помнить. И увѣдомить о вашемъ, драгоцѣнномъ для меня, здоровьѣ прошу васъ, дѣдушка, и впредь меня не лишить сего счастія, которое теперь одно утѣшеніе подать можетъ мнѣ, бывъ столь удаленна отъ васъ.

Радуюсь сердечно, что время и дорога столь хороши, что изволите думать быть въ Петербургѣ 8 число; оное для васъ гораздо будетъ покойнѣе, если скорѣе пріѣхать изволите на мѣсто. Но мое желаніе все стремится къ одному, чтобъ поскорѣе возвратиться изволили.

Нонче 5 дней, какъ я лишена счастія и удовольствія пользоваться вашимъ присутствіемъ здѣсь, но оные мнѣ кажутся уже за годъ. Мое теперишнее состояніе весьма жестоко для меня, а больше еще, когда я вздумаю, что еще два мѣсяца, а можетъ быть и больше я буду должна сносить сіе огорченіе. Ваши только милости и незабвеніе обо мнѣ могу(тъ) нѣсколько уменьшить оное.

Имѣю честь васъ поздравить съ прошед-

шимъ дорогимъ именинникомъ графомъ Николаемъ Петровичемъ и желаю усердно вамъ съ нимъ многія лѣта праздновать сей день во всякомъ благополучіи и совершенномъ здравіи.

Вѣра Борисовна [1]) изволила присылать въ тотъ день, какъ я пріѣхала освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ, а въ субботу присылала спросить и обо мнѣ, и я на сей недѣли не премину съѣздить къ ней съ моимъ почтеніемъ за ея милость. Также и княжна Варвара Ивановна Мас[альская] изволила присылать въ субботу, чтобъ я къ ней пріѣхала обѣдать, но я извинилась на сей разъ и не была затѣмъ, чтобъ я мало ей удовольствія сдѣлала моимъ присутствіемъ, бывъ столь огорчена. Но впредь я и къ ней не премину съѣздить, за ея ко мнѣ ласку, считая, что вамъ оное не противно будетъ. Г. Ладо вчера у меня былъ и радуется, услышавъ отъ меня, что вы, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, и просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ свое

[1]) Вѣра Борисовна Лопухина, сестра графа Петра Борисовича.

почтеніе. По приказанію вашему я сказывала всѣмъ объ вашемъ здоровьѣ. Простите мнѣ смѣлость, которую я беру, употребивъ въ мои(хъ) письмахъ наименованіе дѣдушки, столь для меня драгоцѣнное по вашей ко мнѣ милости и снисхожденію; позвольте мнѣ онымъ пользоваться и въ будущихъ моихъ письмахъ. Цѣлую ваши ручки, дорогія, и пребуду навсегда съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ и искреннею привязанностію всепокорнѣйшая и нижайшая услужница ваша.

Сестра К. Б. [1]) засвидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе.

4.

5-го декабря 1782 г. Бронницы.

Анна Николаевна!

Я надѣюсь, что ты первое мое письмо изъ Твери получила, которое я послалъ по почтѣ. Твое получилъ, которое ты писала съ Нико-

---

[1]) Калмычка Катерина Борисовна.

лашею[1]), что вы доѣхали хорошо. Я ѣду самъ. Удивляюсь, что такъ скоро. Время здѣсь не холодно стоитъ и оттепели нѣтъ. Слишкомъ по сту верстъ ѣду въ день и ночью. Сіе письмо пишу изъ Бронницъ. Пятый день моей ѣзды. Сегодня здѣсь я ночую, а завтра буду въ Новѣгородѣ и увижу несчастливаго Протасова, гдѣ онъ губернаторомъ, а ночевать буду въ Подберезовъ. И такъ считаю быть въ четвергъ въ Петербургѣ, восьмой день моей ѣзды, и самъ удивляюсь, какъ я сношу всѣ оныя безпокойства въ моемъ состояніи. И такъ, описавъ всю мою ѣзду, осталось сказать вамъ, чтобы вы о семъ сообщили всѣмъ тремъ маленькимъ и Аленѣ, что ѣду по сю пору здоровъ и подъѣзжаю близко Петербурга. Больше ничего не знаю, чтобы съ дороги писать, а какъ пріѣду въ миръ, тогда реляція великая: буду, коли время дастъ, описывать. И такъ пребывая на всегда вамъ доброжелательный, вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

---

[1]) Гр. Н. П. Шереметевъ.

5.

12-го декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше изъ Бронницъ отъ 5 декабря имѣла честь получить 10 числа сего мѣсяца, за которое приношу вамъ покорную и чувствительную мою благодарность, что изволите меня не забывать своею милостію. Радуюсь сердечно, что вы, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ и притомъ что изволили все сіе безпокойство въ дорогѣ сносить безъ большой трудности. Я удивляюсь и сама, какъ скоро вы изволили ѣхать, но сему способствовало время и хорошая дорога, чѣмъ вы избавились отъ продолжительнаго пути и большаго безпокойства. Изволите писать, что въ Новѣгородѣ увидите несчастливаго Протасова. Я думаю, что онъ очень былъ радъ, васъ увидя и не считалъ имѣть сего счастія, чтобъ васъ встрѣтить въ своей губерніи.

По вашему приказанію всегда сказываю всѣмъ о вашемъ здоровьѣ. Прошу васъ и впредь меня не оставлять вашимъ писаніемъ и увѣдомленіемъ о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ, которое желаю отъ всего моего сердца, чтобъ было благополучно и невредимо; но при семъ еще больше усерднѣе желаю, чтобъ ваше пребываніе въ Петербургѣ какъ можно было меньше. Мнѣ кажется, что я уже и не дождусь сего счастливаго для меня дня, когда я буду имѣть счастіе и удовольствіе васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ и съ тою же ко мнѣ милостью, которую я всегда отъ васъ получаю съ наичувствительнѣйшею благодарностью, чѣмъ сердце мое преисполнено будетъ навсегда.

Графу Николаю Петровичу [1]) мое нижайшее почтеніе, ежели смѣю васъ трудить. Теперь васъ увѣдомляю о себѣ, ежели вамъ не противно, что я въ субботу выѣхала въ первый разъ и была у Вѣры Борисовны поутру съ

[1]) Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ.

моимъ почтеніемъ, и она спрашивала о вашемъ здоровьѣ и очень ласково изволила обойтиться и чтобъ я къ ней чаще ѣздила. Послѣ обѣда была у Натальи А., но ея дома не застала, откуда проѣхала къ княжнѣ М. и К., которыя меня очень ласково приняли и просили, чтобъ я къ нимъ чаще ѣздила, во всякое время, когда лишь можно. А вчера была у графини Варвары Петровны [1]) и она, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ.

Препоручаю себя въ ваши милости, которыя заключаютъ въ себѣ все благополучіе и спокойствіе моихъ дней и которыя я всегда стараюсь заслужить нелестною моею къ вамъ привязанностью и искреннею благодарностью, съ которой пребуду навсегда, цѣлуя ваши ручки дорогія съ глубочайшимъ

Сестра К. Б. свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

---

[1]) Графиня Варвара Петровна Разумовская.

6.

8-го декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Дѣдушка, дорогой мой!

Уже шесть дней, какъ я не имѣю никакого извѣстія объ вашемъ здоровьѣ, хотя почта вчерась пришла, на которой я надѣялась что нибудь получить отъ васъ, что меня сердечно безпокоитъ, а больше еще, что я и впредь еще нѣсколько дней можетъ быть ничего не буду знать о васъ. Сколь сіе отдаленіе отъ васъ для меня огорчительно и тяжко не пользоваться ни вашимъ зрѣніемъ и быть столько время въ невѣдѣніи о васъ; сіе умножаетъ ежеминутно мою горесть и скуку. Прошу васъ дѣдушка, дорогой мой, ежели вамъ не трудно, увѣдомлять меня о вашемъ здоровьѣ, сколько можно чаще, и меня милостью своею не забывать.

Сожалѣю очень, что время съ воскресенья стало очень холодно, что, я думаю, васъ нѣсколько безпокоитъ въ дорогѣ; но я надѣюсь, что сіе письмо уже васъ найдетъ въ Петербургѣ.

Я еще никуда не выѣзжала, а въ понедѣльникъ Наталья Яковлевна [1]), ѣхавъ мимо, изволила и ко мнѣ заѣхать. Докторъ вчера у меня былъ и сказывалъ, что онъ будетъ имѣть честь на ноничней почтѣ къ вамъ писать.

Препоручаю себя на ваши ко мнѣ милости, которыя мое благополучіе составляютъ и прошу васъ, чтобъ оныя и навсегда продолжались. Цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду навсегда съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ всепокорная и всенижайшая услужница ваша.

Сестра Катерина Борисовна засвидѣтельствуетъ Вамъ свое нижайшее почтеніе.

7.

8-го декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Я доѣхалъ въ Петербургъ; самъ удивляюсь, какъ скоро и все, слава Богу, здорово пере-

---

[1]) Наталья Яковлевна Шереметева.

несъ восьмой день, и сегодня не стану я на стужу. Вездѣ перебывалъ: лѣстницу снять, смѣрилъ. Пріѣздъ мой чрезвычайно былъ отмѣнно милостиво принятъ, и обѣдалъ у Государыни, и великихъ князей маленькихъ видѣлъ; пріятно ихъ видѣть такъ хорошо, и портреты ихъ очень сходны, которые у насъ въ Москвѣ. Всего описать не можно: буду впредь писать. Ладо мой поклонъ и скажи ему обо мнѣ, и внизу живущимъ тоже скажи, что я здоровъ доѣхалъ. Пребывая всегда доброжелательный, вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

При этомъ письмѣ приложена записка:

Аннушка, голубушка, здраствуй! Поклонись отъ меня княжнѣ [1]) и Парашинькѣ [2]); скажи Татьянушкѣ [3]), что я, слава Богу, здоровъ.

Н. Шереметевъ.

На оборотѣ: „Аннушкѣ". Другою рукою:

---

[1]) Княжна Масальская.
[2]) Прасковья Ивановна Ковалевская.
[3]) Татьяна Васильевна Шлыкова.

„Отъ батюшки Николая Петровича получено въ Москвѣ“.

8.

15-го декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Письмо ваше отъ 8 числа сего мѣсяца имѣла честь получить 13 числа, за которое приношу вамъ покорнѣйшую и чувствительную мою благодарность, что меня изволите помнить, и тѣмъ больше, что, не взирая на малость времени, изволите меня увѣдомлять симъ письмомъ, какъ о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ и благополучномъ пріѣздѣ, такъ и о милостивомъ принятіи государынею, чему я искренно и сердечно радуюсь, что изъяснить вамъ онаго не могу; но притомъ я очень опасаюсь, чтобъ столь милостивое принятіе вамъ не лишило бы меня счастія васъ скорѣе увидѣть, нежели какъ вы изволите полагать. Но я надѣюсь, что по вашей ко мнѣ милости я не лишусь скораго увѣдомленія отъ васъ, какъ ваше пребываніе въ Петербургѣ будетъ по-

лагаться, которое я желаю сердечно, чтобъ менѣе продолжалось какъ можно и присемъ всепокорнѣйше прошу васъ и впредь не лишить меня увѣдомленіемъ о васъ.

Что же изволите писать о великихъ князьяхъ, то можно представить, сколь они хороши, есть-ли походятъ на свои портреты и сколь пріятно на нихъ смотрѣть.

Къ доктору посылала сказывать отъ васъ, что ему поклонъ изволите писать и о благополучномъ пріѣздѣ, чему онъ очень радъ, и я думаю, что онъ самъ будетъ къ вамъ писать. Также и всѣмъ сказываю о вашемъ здоровьѣ всегда.

Графу Николаю Петровичу мое почтеніе.

О себѣ васъ увѣдомляю, что я и съ сестрой обѣдали вчерась у графини Варвары Петровны и она, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ и намъ была очень рада. А послѣ обѣда была у докторши на нѣсколько времени, потому что докторъ звалъ къ себѣ нѣсколько разъ и притомъ что онъ и самъ ѣздитъ освѣдомляться о моемъ здоровьѣ.

Препоручаю себя въ ваши милости, которыя для меня первое есть въ свѣтѣ счастіе, чтобъ продолжались. Цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду.

9.

12-го декабря 1782. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Теперь ты знаешь, что доѣхалъ сюда здоровъ изъ перваго письма моего и теперь всѣ на ногахъ и еще отдыхаю, да я николи, все во дворцѣ и нигдѣ еще не былъ. Принятъ очень хорошо и аудіенція наша вчерась кончена. Я выпутался своею рѣчью, сколько могъ. Теперь стану отдыхать и помышлять ѣхать обратно или еще сказать, не могу, или 27 декабря, или генваря 3, такъ я располагаю время моего отъѣзда, не знаю, удастся ли мнѣ такъ исполнить. При семъ посылаю вамъ гостинцы. Себѣ возьми и по запискамъ раздай, кому слѣдуетъ. Я теперь спѣшу ѣхать во дво-

рецъ: праздникъ сегодня. Вздумай только, что я всякій день во дворцѣ по два раза. Я самъ дивлюсь, какъ меня достаетъ, и вечоръ былъ въ антресоляхъ: такъ называются парадные покои на подобіе мусіи. Толь очень холодно въ нихъ: они почти не топятся. Больше неколи писать, спѣшу ѣхать. Здѣсь всѣ суетятся, то я то же долженъ дѣлать. Остаюсь доброжелательный вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

10.

19-го декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 12 декабря имѣла честь получить 17 числа, за которое приношу вамъ всепокорнѣйшую и чувствительную мою благодарность, что изволите меня помнить и прошу васъ, дорогой мой дѣдушка, и впредь милостію своею не забывать.

Радуюсь сердечно, что вы, славу Богу, въ

добромъ здоровьѣ и дай Боже, чтобъ и впредь ваше здоровье въ семъ положеніи пребывало. Теперь я нѣсколько больше надежды имѣю къ вашему, столь мною желаемому, возвращенію, что аудіенція ваша благополучно кончена и что вы изволили свою рѣчь такъ хорошо проговорить, которую и я еще помню.

Что же изволите писать, что до сихъ поръ вы все не имѣли времени отдохнуть, я оному очень вѣрю, когда изволите быть всякій день два раза во дворцѣ. И тѣмъ больше вамъ безпокойнѣе, что уже изволили отвыкнуть чрезъ столько лѣтъ, живши все въ покоѣ отъ всѣхъ оныхъ суетъ, а теперь все оное принужденнымъ находитесь противъ вашей воли дѣлать, хотя какъ я считаю и много тамъ изволите новаго и хорошаго увидѣть, въ числѣ чего, я думаю и статую Петра Перваго видѣли. Но я надѣюсь, что ничто васъ не удержитъ тамъ, какъ кажется, по вашему желанію, что я желаю сердечно, чтобъ вашъ отъѣздъ изъ Петербурга могъ такъ выйтить, какъ вы изволите располагать.

При семъ присланный отъ васъ гостинецъ я получила, за которое чувствительнѣйшее вамъ приношу мое благодареніе. И оная табакерка очень хороша. Также и прочее все по запискѣ раздала, за что нижайше всѣ благодарятъ.

Имѣю честь васъ поздравить съ наступающимъ праздникомъ Рождествомъ Христовымъ и желаю вамъ отъ всего моего сердца еще много лѣтъ оной препровождать въ добромъ здоровьѣ и во всякомъ удовольствіи. Но я съ моей стороны желалъ бы оной препроводить съ вами, заключая мое спокойствіе въ однихъ васъ, но теперь онъ мнѣ будетъ очень скученъ. Въ субботу графиня Варвара Петровна изволила звать къ себѣ Вѣру Борисовну съ дѣтьми, князь Дмитрій Юрьевичъ [1]) со всей фамиліей, Василій Владиміровичъ [2]), Танненбергъ съ женой и докторъ Шкеда, въ числѣ которыхъ я и сестра были, и былъ концертъ

[1]) Дмитрій Юрьевичъ Трубецкой.
[2]) Василій Владиміровичъ Шереметевъ.

и ужинъ. Въ то время Антонъ Чюбаровъ по вашему приказанію пріѣзжалъ и сказывалъ, какъ графинѣ Варварѣ Петровнѣ, такъ и другимъ сродникамъ, что вы къ нимъ изволили приказывать, на что Вѣра Борисовна изволила мнѣ сказать, чтобъ я къ вамъ отписала отъ нея поклонъ, также и Анна Федоровна свое почтеніе вамъ свидѣтельствуетъ.

А у меня въ пятницу былъ Танненбергъ съ женою и дѣтьми и обѣщалъ и впредь когда пріѣхать, и звали очень къ себѣ; также и докторъ, который былъ вчера у меня, и радуется, слыша о вашемъ здоровьѣ.

А вчера я была у князя Мас[альскаго], который и съ княжною очень меня ласково принимаютъ и просятъ, чтобъ я къ нимъ чаще ѣздила. Простите мнѣ, дѣдушка, есть-ли я вамъ нѣсколько скучаю описаніемъ о себѣ; но мнѣ кажется не должно, чтобъ васъ не увѣдомить обо всемъ до меня касающемся, какъ по вашей ко мнѣ милости, такъ и по привычкѣ, чтобъ не увѣдомить васъ, что я дѣлаю и угодно ли оное вамъ, что мнѣ всегда служитъ закономъ пріят-

нымъ. А нонче или завтра думаю обѣдать у Натальи Яковлевны, есть ли она будетъ дома.

Препоручаю себя въ ваши ко мнѣ милости, которыя для меня дороже всего, цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду навсегда съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ.

11.

15-го декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Два письма отъ васъ я здѣсь получилъ. Надѣюся, что и вы получили два же письма эти пустыя. Я слава Богу, держусь своимъ здоровіемъ и берегусь, сколько возможно. Стужа здѣсь великая, а я долженъ всякой день выѣзжать во дворецъ, гдѣ особливо николи такъ холодно не бывало и вѣтренно, особливо въ залѣ и въ церкви какъ на дворѣ. Я за стужею еще у обѣдни не бывалъ. Ѣзжу во дворецъ всякой день, потому что мнѣ дозволено всегда во внутренніе покои входъ имѣть

и я въ числѣ составляю... ихъ сосіете Государынею, а въ залѣ по случаю праздника великаго князя Александра Павловича, съ которымъ и я очень познакомился, бывъ всякой день вмѣстѣ, гдѣ они довольно рѣзвятся. Вотъ что тебя удивитъ, что танцовалъ на балѣ съ великою княгинею и никакъ отговориться не могъ. Великая княгиня такой человѣкъ: какъ скоро ее узнаешь, то ...... сдѣлается столько учтива и благосклонна, всякаго обяжетъ къ себѣ, и я отговориться не могъ и танцовалъ, а послѣ игралъ съ нею въ карты. Великій князь и великая княгиня и принцесса Виртембергская, такая маленькая ростомъ и худа очень, какъ ребеночекъ. Я никуда не ѣзжу, окромѣ дворца, да ужиналъ у Вяземскаго. Кто меня ни зоветъ, я все еще отказываю, а надо будетъ иногда и ѣхать. У меня всегда столъ открытый и ѣздятъ. Я одинъ почти николи не обѣдаю. Квартира моя довольна табла, только дымна по утрамъ здѣсь вездѣ такъ отъ фигурныхъ печей. Впрочемъ я незналъ, какъ скушно для меня здѣшнее житіе:

образъ жизни здѣсь инаковъ, какъ въ Москвѣ: тамъ мало дамы говорятъ, а здѣсь очень много. Объ отъѣздѣ моемъ я еще ничего не могу сказать, скоро ли будетъ, но я располагаюсь не замѣшкаться. Пріемъ мой чрезвычайно ласкателенъ былъ и теперь продолжается тоже. Монументъ Петра Великаго украшеніе городу великое сдѣлалъ, и я уже третій разъ, какъ объѣзжаю его и не могу еще наудовольствоваться. Ѣздилъ нарочно на Васильевскій островъ смотрѣть оттудова, совершенно хорошо. Депутаты мои еще не обѣдали во дворцѣ. Государыня немного, затѣмъ не изволитъ выходить въ парадные покои. Великая княгиня, видится, пошире стала „онбаразъ", какъ многіе здѣсь говорятъ. Вотъ сколько я описалъ вѣстей новыхъ, хоть бы и Купита столько же могъ пересказать. Теперь приступимъ къ Московскимъ. Я радуюсь, что всѣ здоровы. Пожалуй, скажи имъ отъ меня всѣмъ поклонъ и чтобы меня скоро ожидали. Я не надѣюсь здѣсь замѣшкать. Я къ вамъ послалъ гостинцы на прошедшей почтѣ, гдѣ . . . . . послалъ табакер-

ку. Я надѣюсь, они адресованы всѣ на твое имя. Мадамѣ мой поклонъ и благодареніе за письмо. Отвѣчать здѣсь весьма порядочно трудно. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай, по пословицѣ. Всѣмъ моимъ знакомымъ мое почтеніе, нѣтъ способу ко всѣмъ особо писать. Забылъ еще сказать. Ланской очень ко мнѣ приласкался и подарилъ мнѣ два бюста великихъ князей. Обѣщалъ еще нововышедшія книги а ля силуета мнѣ подарить. Севодни полно писать, довольно поморалъ. Пребывая на всегда вамъ доброжелательный другъ

Г. П. Шереметевъ.

Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ.
16 день выѣзда моего изъ Москвы.

12.

22-го декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 15 числа сего мѣсяца имѣла честь получить 20 числа, за которое

мнѣ уже не достаетъ изъясненія вамъ описать мою чувствительную благодарность за ваши ко мнѣ милости, и что изволите такъ обо всемъ подробно увѣдомлять, какъ о вашемъ драгоцѣнномъ для меня здоровьѣ, о чемъ слыша, сердечно радуюсь.

Что же изволите писать, что вы всякій день во дворецъ изволите ѣздить, что вамъ очень безпокойно—я думаю, и притомъ такая тамъ стужа, чему я очень удивляюсь. Кажется, прежде сего никогда этого не бывало, чтобъ сидя въ комнатахъ терпѣть такое безпокойство изъ доброй воли. Но это, я думаю, тамошняго житія обычаи, чтобъ все то дѣлать, чего и не хочется. Что же изволите имѣть дозволеніе входить во внутренніе покои и составлять сосіете Государыни оное очень ласкательно и пріятно вамъ должно быть, чему и я радуюсь сердечно, только чтобъ сіе не помѣшало вамъ сюда скорѣе пріѣхать, чего я нетерпѣливо ожидаю и до тѣхъ поръ, какъ не получу отъ васъ извѣстія назначеннаго дня вашего отъѣзда, спокойна быть не могу, боясь, чтобъ вы тамъ

не изволили долѣе остаться, нежели располагаетесь. Радуюсь сердечно, что великая кн[ягиня] такъ съ вами ласково обойтиться изволила, чего я иначе и не ожидала съ ея стороны, слышавъ всегда столь похвалы объ ней, и притомъ, что она своею учтивостью принудила васъ танцовать, чего, я думаю, вы и сами не изволили ожидать, чтобъ вамъ танцовать, бывши въ Петербургѣ; также и маленькіе великіе князья что съ вами ласковы и знакомы, но дозвольте мнѣ сіе сказать, что я по моему чувствованію иначе и не думаю, что кто васъ увидитъ и нѣсколько узнаетъ, то не можно, чтобъ не почитать и не любить, видя васъ украшеннымъ столько добродѣтелями, которыя составляютъ благоденствіе и моихъ дней, и кои я столько чувствую всегда съ истинною благодарностію, которая по вѣкъ мой будетъ запечатлѣна въ моемъ сердцѣ.

О принцессѣ Виртембергской, что изволите писать, то она, повидимому, не очень украшаетъ фамилію своею красотой, а можетъ быть своими хорошими качествами. Да есть ли

смѣю спросить, какъ вамъ ея супругъ показался; я думаю, что пріятно ихъ вмѣстѣ всѣхъ видѣть, болѣе еще ежели они согласны.

Радуюсь сердечно, что и Ланской столь къ вамъ учтивъ и ласковъ. По вашему изъясненію въ письмѣ мнѣ кажется, вамъ не очень скучно тамъ, хотя вы и изволите писать, что располагаетесь не замѣшкаться, но что и сами еще не изволите знать, когда отвѣтъ вамъ будетъ, что для меня признаюсь вамъ, дорогой дѣдушка мой, очень не утѣшительно, да притомъ еще, какъ изволите писать, что и депутаты ваши не обѣдали еще во дворцѣ, такъ и оное васъ удерживаетъ по тѣхъ поръ, какъ ихъ накормятъ. Что же касается до монумента Петра Великаго, для котораго вы изволили збираться ѣхать нарочно въ Петербургъ, теперь довольно имѣли время видѣть, которой долженъ быть прекрасенъ по вашему описанію, что со всѣхъ сторонъ его смотрѣть изволили.

Поклонъ отъ васъ всѣмъ сказывала, какъ и о томъ, чтобъ ожидали васъ здѣсь скоро,

за что всѣ очень покорнѣйше благодарятъ и радуются какъ о вашемъ здоровьѣ, такъ и о скоромъ пріѣздѣ вашемъ. Также и мадамъ нижайше васъ благодаритъ.

Что же изволите писать, что не имѣете время ко всѣмъ особливо писать, я оному очень вѣрю; но есть-ли смѣю по моей къ вамъ привязанности доложить, чтобъ къ Вѣрѣ Борисовнѣ отписать хоть одно письмо, потому что она очень недовольна, что къ ней не изволите писать. Здѣсь новаго ничего не слышу, да и негдѣ, хотя и выѣзжаю по нуждѣ за ласку, которую мнѣ по милости своей оказываютъ.

О себѣ доношу вамъ, что я въ прошлой понедѣльникъ обѣдала у Натальи Яковлевны, а она меня свозила послѣ обѣда къ Марѳѣ Васильевнѣ, къ которой я сама не смѣла ѣхать, не знавъ, будетъ ли ей оное пріятно. Но она довольно ласково насъ приняла и сказала, что о праздникѣ пришлетъ за нами. А вчерась Анна Семеновна Шереметева присылала звать къ себѣ обѣдать; также и докторша была у меня вчерась.

Я думаю, что купидонъ теперь въ великихъ суетахъ и когда пріѣдетъ сюда, то засыплетъ насъ вѣстями.

Препоручаю себя въ ваши ко мнѣ милости и прошу васъ, дѣдушка, чтобъ оныя продолжались навсегда. Цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду навсегда съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ.

13.

19-го декабря 1782. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Нѣтъ возможности всѣ мои безпокойства описать, и удивляюсь, какъ я сношу. Обѣдаю не въ свое время, ложусь спать за полночь. Всякой день зовутъ, всякой день на три обѣда, не знаю куда попасть. Столь учтивства, что уже силъ недостаетъ. Вчерась былъ на ассамблеѣ у князя Александра Михайловича, гдѣ меня запотчивали и заласкали; изрядно было и танцы великіе, гдѣ Матюшкина всѣ свои грасы оказывала. Объ аудіенціи теперь вы

знаете, что кончена въ прошедшее воскресеніе, а сегодня былъ обѣдъ во дворцѣ. Насъ потчивали, и веселы были всѣ очень. Вчерась былъ и ужиналъ у великаго князя и великой княгини, игралъ въ карты и обыгралъ. Она не очень здорова. Только какъ ее узнаешь, преучтивая и наполнена грасами дама, и я въ короткое время сдѣлался очень знакомъ съ нею. Объ отъѣздѣ моемъ ничего вѣрно сказать не могу, какъ полагаю выѣхать отсюдова 4 генваря, а прямо самъ не знаю еще, вѣрно ли это. Теперь лишь пріѣхалъ изъ дворца и усталъ очень. Завтра Португальской министръ даетъ мнѣ балъ и зоветъ весь парадъ, и другіе тоже сбираются мнѣ сдѣлать. При семъ посылаю новой календарь и книжку, какою мнѣ пожаловала Государыня, ея сочиненія, для обученія великихъ князей. Скажи всѣмъ живущимъ, что я здоровъ. Больше писать неколи: темно становится. Пребывая навсегда вашъ доброжелательный другъ

Г. П. Шереметевъ.

14.

26-го декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 19 числа сего мѣсяца я имѣла честь вчера получить, за которое приношу вамъ наичувствительную мою благодарность, что изволите меня помнить. Прошу и впредь васъ, дѣдушка, меня милостью вашею не забывать, что для меня всего дороже. Радуюсь сердечно, слыша, что вы, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ и притомъ еще, что такое безпокойство принуждены сносить и выйтить изъ порядка вашего обращенія жизни, что для васъ не можетъ быть пріятно, но, слава Богу, что все оное вашему здоровью не вредно.

Что же изволите писать, что вамъ столько учтивости и ласки оказываютъ и васъ вездѣ зовутъ, что и подлинно вамъ и время недостаетъ вездѣ перебывать, и что у князя Александра Михаиловича Голицына быть изволили

и тамъ изрядно было, то я оному не удивляюсь, слышавъ, что у него всегда много людей бываетъ гдѣ и Матюшкина еще по старой привычкѣ оказывала себя, хотя уже, какъ я думаю, и не имѣетъ уже прежнихъ своихъ прелестей. Но по вашему описанію это еще не послѣдніе зовы для васъ будутъ: и другіе еще не преминутъ васъ звать. И бывъ столь всѣ рады послѣ толь долговременной съ вами разлуки, да притомъ тамъ и образъ жизни совсѣмъ не такой, какъ здѣсь, и они очень такими праздниками щеголяютъ, въ числѣ которыхъ и министръ Португальскій отъ нихъ не отстаетъ.

Радуюсь сердечно, что великій князь, а больше еще великая княгиня такъ съ вами ласковы и знакомы, и у нихъ изволили кушать. Я не удивляюсь, что въ толь короткое время, какъ вы изволите писать, столь познакомились съ великой княгиней, нашедъ ее столь учтиву и наполненну столь пріятнымъ обхожденіемъ. А что же изволили выйграть у нихъ, оное не такъ дурно и лучше нежель проигрывать, какъ вамъ и часто случается.

Имѣю честь васъ поздравить съ наступающимъ Новымъ Годомъ и желаю вамъ оный отъ всего моего сердца начать и кончить въ добромъ здоровьѣ и во всякомъ удовольствiи. Объ отъѣздѣ вашемъ, что изволите писать, что и сами знать еще не изволите, когда будетъ, что для меня очень прискорбно, что я еще не могу быть увѣрена, что скоро васъ увижу. Признаюсь вамъ, дорогой дѣдушка мой, что далѣе время идетъ, то мнѣ скушнѣе безъ васъ становится, что я лишена вашего присутствiя. И вчерашнiй день для меня столь горестно было, что почти все плакала, хотя и такой большой праздникъ былъ, но онъ мнѣ безъ васъ такъ, хотябъ и не былъ, да все и предъидущее время тоже будетъ для меня, есть-ли васъ не будетъ. Правду сказать могу, что для меня весь нонѣшнiй годъ столь горестенъ и столь буренъ, что дай Боже, чтобъ никогда такого никогда не было. Но и новой годъ для меня дурно же начнется, но я надѣюсь на милость Божiю, что я награждена буду въ то время, когда васъ опять увижу въ

добромъ здоровьѣ и съ тою же милостію ко мнѣ, которую я всегда чувствую съ истинною благодарностью.

За календарь и другую книжку всепокорнѣйшую вамъ, дѣдушка, приношу мою благодарность. И такъ какъ они сочинены для маленькихъ великихъ князей, то они хороши и для нихъ веселы будутъ.

О здоровьѣ вашемъ сказывала всѣмъ, о чемъ сердечно всѣ радуются. Въ пятницу прошлую Вѣра Борисовна изволила сдѣлать мнѣ милость ко мнѣ заѣхать, изволила казать мнѣ ваше письмо, которому она очень рада, и ко мнѣ очень ласкова и не забываетъ меня своей милостью. Также и княжна Мас[альская] очень ко мнѣ ласкова и вчера была здѣсь у обѣдни. А я вчера была у графини Варвары Петровны, потому что изволила присылать за нами. И она, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ.

Обо мнѣ, ежели угодно знать, я, слава Богу, здорова, только недостаетъ васъ здѣсь, то я недовольна и невесела, но впротчемъ по милости вашей всѣмъ здѣсь довольна.

Графу Николаю Петровичу мое нижайшее почтеніе. Препоручаю себя въ ваши ко мнѣ милости, цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду на всегда съ глубочайшимъ.

15.

22-го декабря 1782. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Объ отъѣздѣ моемъ отсюдова еще ничего вѣрно сказать не могу и уповаю, что послѣ новаго года тотчасъ буду откланиваться, къ тому же и другія депутаціи зачинаютъ пріѣзжать. Такъ какъ свадьба на свадьбу наѣдетъ, не примѣчаютъ хорошаго, такъ и депутація на депутацію тоже не ловко. Мнѣ довольно скучно здѣсь и безпокойно. Я глаза свои всѣ выкурилъ отъ дыму. Здѣсь мода, отъ обычаю камлей вездѣ дымно, и писать холодно полночи, и въ лучшихъ покояхъ тоже дѣлается, отчего всѣ и немогутъ, и большая и маленькая, всѣ кашляютъ и не выходятъ, и вездѣ такая скука. Съ большимъ безпокой-

ствомъ я не знаю, какъ спать, такъ и вчерась было со мною. Обѣдалъ у Чернышева, побывалъ на часъ дома, гдѣ Купида множество вѣстей насказалъ. Послѣ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ пробылъ до одиннадцатаго часу, потому что я антре имѣю во внутренніе покои. Я съ протчими избранными составляю сосіету Государыни. Оттудова на Литейную улицу, куда я былъ званъ на ассамблею и балъ, гдѣ лишь только повидался и уѣхалъ. Такъ все для меня скучно, и пріѣхалъ домой за полночь. И все такъ то ложусь здѣсь спать и видѣлъ славной домъ Ѳедора Матвѣевича. Славны бубны за горами! Меня еще ничто не удивило здѣсь окромѣ антресолей Государыни, гдѣ уже дважды былъ въ нихъ избранныхъ и слывутъ моими любимыми покоями, а и въ нихъ холодно и несетъ, то въ истинну сказать, что со вкусомъ и пребогато убраны и рѣдкостей много особливо вродѣ китайскихъ вещей. Въ Эрмитажѣ еще я не бывалъ, потому что очень холодно. Она не очень здорова: насморкъ и кашляетъ. Государыня

изволила приказать бюстъ батюшкинъ прислать къ себѣ, которой будетъ поставленъ въ Эрмитажѣ. И я свой здѣсь дѣлаю и очень похоже вылѣпленъ, и такъ я заказалъ его дѣлать, а другой дѣлаю а ля силуетъ: здѣсь всѣ дѣлаютъ изъ мѣлу какъ хотятъ. Северодни даетъ мнѣ ужинъ и концертъ Иванъ Ивановичъ. Это все насъ празднуютъ. – А завтра обѣдъ у Вяземскаго, а тамъ будетъ у Потемкина, а тамъ у Голицына, а тамъ у Завадовскаго. Замученъ своимъ угощеніемъ. У Государыни былъ уже обѣдъ чиновной для насъ, а великаго князя еще по притчинѣ, что великая княгиня нездорова, еще не было. Итакъ всѣ праздники наши должны кончиться. Въ Царскомъ Селѣ еще не былъ: не приказываетъ Государыня ѣхать, потому что очень холодно. Вотъ сколько я написалъ вѣстей, не меньше Купидиныхъ, который, какъ разсыпная грыжа, вездѣ суется и весь вѣстями преисполненъ. Мое большое стараніе какъ скоро возможно отсюдова выѣхать. Мой поклонъ г. Ладо и благодарить за его письмо и сказать ему, что я еще держусь, не

при(ни)маю никакого лекарства, окромѣ что и въ Москвѣ изъ него принималъ. Съ Рожерсономъ часто вижусь, только все въ картахъ великой охотникъ играть и въ большую играетъ. Вчерась Государыня изволила меня спрашивать, кто мой докторъ въ Москвѣ и кто велъ мою послѣднюю болѣзнь, то лихой поворотъ можетъ г. Ладо, на что я въ такомъ случаѣ сказалъ, сколько я былъ имъ доволенъ и то не забылъ сказать, что много его заслугъ было во время чумы, и я все сначала моего пріѣзду все объ немъ работаю исполнить, чего онъ желаетъ, только все здѣсь медленно дѣлается и лучшая случайность людей не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ, а я все не отстану стараться объ немъ привести къ желаемому имъ окончанію. Живущимъ съ вами скажи, что я здоровъ, но очень обезпокоенъ и удивляюсь самъ, какъ я выдерживаю. Притомъ всегда въ цѣлой день всѣ люди у меня и я держу столъ, всегда обѣдаютъ у меня, когда дома или дома нѣтъ. И такъ довольно описавъ на досугѣ (первое утро еще, что никого у меня нѣтъ),

окончу мое письмо, надѣюсь, что баронъ Лотицъ достальное все опишетъ, и онъ уже и здѣсь принималъ слабительное и шпанскихъ мухъ ставилъ, побывалъ въ оперѣ у Жабеты. Я ни въ какомъ спектаклѣ еще не бывалъ; сказываютъ всѣ не хорошъ, а холодъ сильной. Въ театръ Государыня не ходитъ, такъ я и попаду въ него. Итакъ отсюдова выѣду. Полно писать. Пребывая навсегда доброжелательной другъ

Г. П. Шереметевъ.

16.

29-го декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 22 числа сего мѣсяца имѣла честь я получить вчерась, за которое приношу вамъ всепокорнѣйшую мою благодарность, что изволите меня помнить, о чемъ прошу васъ и впредь не оставлять меня увѣдомленіемъ о вашемъ здоровьѣ, о которомъ

слыша сердечно радуюсь, что оное такъ пребываетъ, какъ мое желаніе есть.

Объ отъѣздѣ вашемъ, что изволите писать, что еще не навѣрно изволите знать, оное для меня очень чувствительно, и я бы очень желала, чтобъ оной не далѣе былъ какъ 4-е генваря, но по всему видно, какъ мнѣ кажется, что оной и за 10 число продолжится. Хотя, какъ вы изволите писать, что вамъ скучно, но всѣ тѣ праздники, которые для васъ дѣлаютъ и столь васъ угощаютъ, васъ тамъ задержатъ и меня лишатъ счастья скорѣй васъ увидѣть, нежели я считала по вашему обѣщанію. И есть ли бы мнѣ можно было, то я хоть бы съ кѣмъ нибудь пріѣхала къ вамъ, ибо мнѣ часъ отъ часу здѣсь скучнѣе становится, чего я и описать вамъ не въ состояніи. Что же изволите описывать объ антресоляхъ, какъ оные хорошо убраны и называются вашими любимыми покоями, оное доказываетъ, сколь Государыня примѣчать изволитъ, что̀ вамъ полюбилось. Но всего удивительнѣе для меня, что кромѣ оныхъ ничего не нашли до-

стойнаго примѣчанію, по тѣмъ разсказываніямъ, что я слыхала, и сколь хвалы приписывали Петербургу, но обыкновенно бываетъ, что больше выхваляютъ, нежель есть настоящее.

О бюстѣ батюшки вашего, что Государыня изволила приказать прислать, я думаю, что это мраморный, что у васъ въ Кусковѣ, котораго нѣсколько и жаль, что онъ такъ похожъ и хорошо сдѣланъ, да притомъ и у васъ такого не будетъ, развѣ сдѣлать вновь, который можетъ быть и не столь будетъ хорошъ.

Радуюсь, что и вашъ столь похожъ также и а ля силуетъ, который есть ли сходенъ будетъ, то можно, я думаю, ихъ много надѣлать.

Теперь можетъ быть кончены праздники вамъ и съ депутаціею у Государыни, только что великій князь еще обѣда не давалъ, чтобъ онымъ не продолжили, хотя уже и другіе депутаціи пріѣзжаютъ, въ числѣ которыхъ и Лук. Ивановичъ Кам. съ своимъ кашлемъ прибыть изволитъ и долженъ будетъ говорить рѣчь съ великими остановками. Что же касается до праздниковъ, которые сбираются вамъ давать,

то кажется и невозможно будетъ вездѣ вамъ перебывать. Но какъ вы недолго изволите быть въ оныхъ, такъ оное нѣсколько и избавитъ васъ отъ большого безпокойства. Однако же со всѣмъ тѣмъ вы теперь въ одинъ мѣсяцъ больше изволили переѣздить и быть въ гостяхъ, нежель здѣсь во всѣ 12 лѣтъ, что и доказываетъ, какъ вы и сами изволите писать, что тамъ то должно дѣлать, чего и никакъ не хочется. Сіе одно могло бы скорѣе васъ принудить пріѣхать жить по вашей волѣ, и больше еще бывъ увѣрены, сколь всѣ здѣсь ожидаютъ васъ съ нетерпѣливостью и радостью, въ числѣ которыхъ я право въ первыхъ себя представляю и надѣюсь, что вы одному легко изволите повѣрить, зная мою искреннюю привязанность и того чувства за ваши милости, которое, можно сказать, родилось почти со мной.

О каминахъ что изволите писать, то оное очень безпокойно для вашихъ глазъ, да и страшно, чтобъ не простудиться, чего я совѣтую вамъ, дѣдушка, очень беречься, и тѣмъ

больше, что тамъ вездѣ такъ холодно, будто вымараживаютъ, какъ въ избахъ крестьянскихъ.

О господинѣ Ладо что изволите писать, я все оное ему перескажу, чему онъ очень будетъ радъ, узнавъ, сколь изволите прилагать старанія объ немъ. Что же до Рожерсона касается, то онъ такъ же, какъ и другіе, любитъ карты. Хотя и докторъ, но я думаю, что онъ имѣетъ довольно время сидѣть съ картами, не имѣя много на рукахъ, кого лѣчить.

Я слышала здѣсь новость, о которой васъ увѣдомляю: будто князь Потемкинъ скоро сюда будетъ, только какъ здѣсь любятъ сочинять, то я оному не очень вѣрю.

Барону я очень благодарна, что онъ не лѣнится ко мнѣ писать и притомъ очень плодовитое извѣщеніе дѣлаетъ. Но онъ бѣдненькій и тамъ не лучше своимъ здоровьемъ, какъ и здѣсь. Также и князь мнѣ описываетъ о вашемъ здоровьѣ, что для меня всего нужнѣе.

Я не знаю, изволите ли всѣ мои письма получать, которыхъ съ симъ письмомъ должно

быть 6, кромѣ тѣхъ двухъ, что изволили получить въ Петербургѣ пріѣхавши.

Простите мнѣ, дѣдушка, есть ли мои письма очень длинны, сіе есть лучшее для меня время, когда я къ вамъ пишу, считая нѣсколько будто я съ вами.

Препоручаю себя въ ваши милости, цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду навсегда съ глубочайшимъ.

Сестра Катерина Борисовна засвидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе.

17.

26-го декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

За письмо твое благодарствую и поздравляю васъ съ наступившимъ праздникомъ, желаю благополучно препроводить. Я забылъ прежде послать, что обыкновенно наблюдаю, то разсудилъ лучше поздно нежели николи. На завтрешней почтѣ къ вамъ отправлю атласъ и Аленѣ то же (на нихъ тоже подписано), и

скажите съ вами живущимъ, что я здоровъ, но отъ безпокойства очень устаю. Ни одного дня покою нѣтъ: всякой день обѣда на три и ужина тоже. Всѣ зовутъ и поспѣть возможности нѣтъ вездѣ поспѣть. Сегодня званы мы со всею депутаціею обѣдать къ великому князю. По сіе время все идетъ гладко, что далѣе будетъ? Я буду откланиваться въ Новый годъ со всею депутаціею. Это еще новое не бывало, и мнѣ точно сказано, что въ консидерацію мою все оное сдѣлается. Предполагаю выѣхать отсюдова 4 генваря и не позже какъ 7. И такъ съ помощію Божіею надѣюсь быть въ Москву около 15 генваря. Статую же Петра Великаго, какъ не выѣду съ двора, все объѣзжаю я ее и любуюсь: великое украшеніе сдѣлала городу и по самой истинѣ можно сказать достойна ее видѣть, какую прекрасную вещь. Въ четвергъ у меня обѣдать будетъ сестра Ланского, моя крестница, которая меня столько любитъ и ласкаетъ меня, хотя бы дочь родная. Когда меня ни увидитъ, такъ на лицѣ ея радость написана, и все меня проситъ,

чтобъ я ее любилъ. И братъ ея очень ласкается ко мнѣ и помнитъ и знаетъ всѣ милости батюшкины къ дому ихъ. Вотъ сколько я вѣстей и новизны написалъ. Вчерась былъ на игрищѣ во дворцѣ, но не игралъ: плохи мои ноги; а послѣ былъ у Государыни въ ея покояхъ и тамъ до одиннадцатаго часу игралъ въ карты. Слава Богу, всѣ выздоровѣли и великіе князья маленькіе были на игрищѣ, похудали. Здѣсь многіе жалуются кашлями и насморками. И такъ, видится, я оканчиваю мой караванъ. Сегодня послѣдній церемоніальный обѣдъ. Я еще ничего не видѣлъ за стужею: Государыня не приказываетъ мнѣ смотрѣть, чтобы не простудиться. А другъ мой Иванъ Ивановичъ за все берется и все не попадъ. Но со всѣмъ тѣмъ и стыдно и всѣ меня очень ласкаютъ, а я по пословицѣ иду: донъ, донъ, а дома лучше. Полно сегодня писать, не можно всего. Остаюсь навсегда благосклонно вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ.

18.

2-го января 1783 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 26 декабря имѣла честь получить вчерась, за которое приношу вамъ мою нижайшую благодарность, что изволите меня помнить; а всего лучше для меня, что изволите обнадеживать объ вашемъ скоромъ отъѣздѣ, чего я нетерпѣливо и сердечно желаю, чтобъ скорѣе васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ и съ тою же милостью ко мнѣ, которая для меня столь дорога.

Что же изволите писать, что вчерашній день была вамъ послѣдняя аудіенція со всѣми вашими депутатами, и чего никогда не бывало, чтобъ въ такой день оное было; а что оное къ вашей персонѣ относится, оное вамъ очень ласкательно, чему я сердечно радуюсь, что вы столько имѣете отъ Государыни атенціи и ласки. Также что и великій князь послѣдній вамъ праздникъ далъ, который васъ нѣсколько

удерживалъ тамъ, но теперь я надѣюсь, что уже хотя послѣ Крещенія вы не изволите долго остаться тамъ, какъ я думаю по вашему письму.

Радуюсь, что Государыня также и великій князь и всѣ въ добромъ здоровьѣ. А что вы изволите такъ поздно сидѣть у Государыни и играть въ карты, такъ я думаю, что иные оному и не очень рады.

А что на игрищѣ изволили быть, но не играли, то, я думаю, что оное вамъ и не нужно, а только надобно было, дѣдушка, вамъ загадать, скоро ли изволите оттуда выѣхать.

Что же касается до Ланского сестры, оное для васъ, я думаю, пріятно, что она столь къ вамъ ласкова и притомъ это имъ обѣимъ честь дѣлаетъ, что они такъ помнятъ милость батюшки вашего къ ихъ фамиліи.

О Иванѣ Иванычѣ [1]) что изволите писать, я оному не удивляюсь, что онъ вездѣ мѣшается, зная его нравъ суетливой и хитрой, и что

---

[1]) И. И. Шуваловъ.

вездѣ большимъ показаться; но въ нонѣшнее время еще меньше ему удастся, нежель когда можно было, да и тогда мало успѣвалъ противъ тѣхъ, кто зналъ его. Однако со всѣмъ тѣмъ онъ всегда поверхность очень ласковую оказываетъ, хотя и не думаетъ того.

При семъ и присланный отъ васъ атласъ я получила, за которой всепокорнѣйше васъ благодарю, и онъ очень хорошъ, также и другой атласъ отдала по надписи.

Графу Николаю Петровичу мое нижайшее почтеніе. О себѣ вамъ донесу, что я вчера была у Василья Владиміровича, потому что онъ меня звалъ, но я не долго тамъ была и поѣхала ужинать къ Натальѣ Яковлевнѣ, которая присылала ко мнѣ. А нонче поѣду къ графинѣ Варварѣ Петровнѣ поздравить съ днемъ рожденья ее и поѣду къ Вѣрѣ Борисовнѣ обѣдать, а ужинать къ Марфѣ В., потому что онѣ изволили еще вчера присылать звать меня.

Вчера былъ князь Масальской и княжна у обѣдни и очень пеняли, что я такъ давно у нихъ не была. Такъ я на понишней недѣли

къ нимъ поѣду за ихъ такую ласку. Да притомъ и всѣ знакомые, по своей милости, меня не забываютъ: и вчера Иванъ Иванычъ Юшковъ присылалъ спросить у меня, когда изволите быть и меня поздравить съ Новымъ Годомъ, чему я очень удивилась.

Препоручаю себя въ ваши ко мнѣ милости, которыя единственное мое благополучіе составляютъ. Цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду навсегда.

Сестра нижайшую свою благодарность приноситъ за вашъ милостивой поклонъ и свое почтеніе засвидѣтельствуетъ.

19.

29-го декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ. Поздравляю васъ и всѣхъ съ вами внизу; скажи имъ съ Новымъ годомъ наступающимъ. Здѣсь такая стужа нестерпимая: сегодня 28 градусовъ, а къ вечеру

будетъ еще больше. И какъ этакъ пойдетъ, то я надѣюсь отсюдова 4 числа будущаго мѣсяца выѣхать. Несносно будетъ ѣхать, а развѣ 7 выѣду, потому что будетъ четвертаго слаба перемѣнится. Мы церемоніально будемъ откланиваться въ Новый годъ, а вчерась откланивались у великихъ князей, и получилъ приказъ приготовить къ ихъ пріѣзду маленькихъ лошадей и зайцевъ и чтобы были большія палаты, гдѣ имъ жить. Я замучился отъ обѣдовъ и ужиновъ: по два, по три обѣда въ день зовутъ, не знаешь куда ѣхать и сегодня звалъ еще Кобенцель ужинать, а онъ живетъ за Литейнымъ дворомъ. Стужа превеликая. У меня же сегодня обѣдъ: дама назвалась одна. При семъ посылаю нарочно реестръ, кто будетъ и крестница моя Ланская будетъ, которая столько мною радуется: какъ увидитъ, то радость на лицѣ ея написана. Вчерась былъ концертъ во дворцѣ весьма холодной и скушной, Жебети пищала и Камаскина. Всѣ кашляютъ и охрипли, а голоски и безъ того не очень задорны, то всѣ мы рады были, что кон-

чили ранѣе. Мнѣ Государыня приказываетъ никуда ходить по стужѣ, то я еще и ничего не видѣлъ, окромѣ антресолей, и въ Эрмитажѣ еще не былъ: безъ себя не приказываетъ итти. И такъ я и уѣду не видавъ ничего. Мнѣ все равно, только чтобы отсюдова выѣхать теплѣе. Государыня все равно милостива, какъ сначала моего пріѣзда и по сіе время. Надѣюсь, что такъ и отъѣду съ тою же милостію. Всѣмъ живущимъ мой поклонъ. А теперь спѣшу одѣваться, принимать гостей. Какъ я ихъ отпотчиваю, самъ не знаю. Набралъ воза, чѣмъ ихъ угощать. Остаюсь доброжелательный вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

Вѣрѣ Борисовнѣ скажи мой поклонъ; особливо истинно неколи писать.

20.

5-го января 1783 г. Москва. Четвергъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 29 декабря имѣла честь получить 3 генваря, за которое приношу вамъ наичувствительнѣйшую мою благодарность, что по милости вашей не изволите меня забывать. Но, мнѣ кажется, что ни 4, ни 7 числа выѣхать не изволите, а больше когда такіе жестокіе морозы, что и подлинно для васъ въ дорогѣ будетъ безпокойно, и я думаю, что не прежде, какъ къ 20 числу буду имѣть счастіе васъ увидѣть здѣсь, что для меня очень прискорбно, обнадѣясь нѣсколько имѣть сіе удовольствіе скорѣе.

Радуюсь сердечно, что Государыня такъ съ вами равно милостива, какъ и сначала, о чемъ я, право, и не сомнѣвалась, да и притомъ чтобъ оказать вамъ свое удовольствіе, сколь вы ей угодное сдѣлали, принявъ на себя такой трудной и дальной путь для исполненія ея воли. И

сколь пріятно для меня, слышавъ отъ васъ, какъ она изволила беречь ваше здоровье, что ничего не дозволяетъ вамъ смотрѣть, боясь, чтобъ вы не простудились. Хотя во дворцѣ и очень холодно, какъ быть изволили на концертѣ, которой, какъ изволите писать, столь былъ скушенъ, но по счастью, что скоро кончился. Хотя и красавица баронесса Жибете и Камаскино пѣли, но онѣ большаго удивленія не могли сдѣлать вамъ, потому что вы уже сколько разъ ихъ слышать изволили.

Что же изволите писать о маленькихъ великихъ князьяхъ, что они васъ просили, чтобъ имъ изволили приготовить здѣсь маленькихъ лошадей, видно, что они собираться изволятъ сюда на житье.

За реэстръ гостямъ покорнѣйше васъ благодарю и думаю, что нѣсколько трудно будетъ ихъ угощать, имѣвъ толь малый сервизъ. Да есть ли смѣю припомнить вамъ, какъ изволили располагаться, чтобъ никого къ себѣ не звать и никуда не ѣздить; но видно, что тамъ не такъ дѣлается, какъ ваше желаніе было и васъ

вездѣ такъ много зовутъ, что изъ учтивости одной должны хоть въ одинъ обѣдъ поспѣть.

Вѣрѣ Борисовнѣ не премину сказать, что къ ней изволите писать. За милостивое ваше поздравленіе съ Новымъ Годомъ нижайшую мою благодарность приношу; также и другимъ сказывала и поклонъ отъ васъ.

Вчерась у меня была воеводша и насказала вѣстей кучу, а внучка отъ маскарадовъ и забавъ неможетъ. И у насъ здѣсь стужа превеликая; съ недѣлю не меньше какъ 20 градусовъ, да и все время очень холодно. По увѣдомленію князя Ивана А. и барона радуюсь, слыша, что вы столь много изволите выигрывать и желаю, чтобъ и сюда привезли сіе обыкновеніе, чтобъ и здѣшнихъ обыгрывать.

Препоручаю себя въ ваши ко мнѣ милости и желаю сердечно, чтобъ скорѣй васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ. Цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду.

Сестра К[атерина] Б[орисовна] засвидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе.

21.

2-го января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Поздравляю васъ съ наступившимъ Новымъ годомъ! Здѣсь морозы несносные, такая великая стужа: все 28 или 24 градусовъ всякой день продолжаются. А я все выѣзжаю: то тамъ обѣдаю, то тамъ ужинаю, и во дворцѣ всякой день. А холодъ вездѣ несносной......., все камельки, а печи только для виду и не закрываются неколи. Вчерась, какъ день Новаго года, я на балѣ церемоніально откланивался со всею депутаціею, а въ пятницу буду приватно откланиваться, то есть 6 числа, а 7 поѣду, то надѣюсь быть около 15 въ Москвѣ и тамъ всѣмъ моимъ безпокойствамъ будетъ конецъ. Я какъ вчерась поздравлялъ великую княгиню съ Новымъ годомъ, то она тоже изволила отвѣтствовать, а притомъ сказать, что надѣется пріобрѣсти въ Новый годъ, но я теряюсь тѣмъ, что вы отъ насъ отъѣзжаете.

Весьма милостивое и хорошєе бонъ мо сказала. Истину сказать, кто ее узнаетъ, тотъ не можетъ не отдать справедливости, что весьма милостивая и почтенная особа. Вчерась еще на прощаніяхъ танцовалъ польской, а вечеръ былъ у Государыни во внутреннихъ покояхъ, гдѣ равно все милостиво продолжается со мною, то же и великій князь, только что рѣдко бываю у него, потому что всегда должно быть по вечерамъ у Государыни. Вчерась произведеній не было, окромѣ гвардіи, или по послѣдней мѣрѣ я только знаю. Мой поклонъ всѣмъ живущимъ внизу и поздравить съ Новымъ годомъ. Я не знаю, какъ я поѣду, ежели морозы такъ продолжатся, каковы теперь, а все ѣхать надобно. Поѣду тише; чтобы не замерзнуть, ранѣе стану становиться на станціяхъ. Рахмановъ, надѣюсь, къ вамъ доѣхалъ. Я ему приказывалъ о себѣ вамъ разсказать, какъ я живу здѣсь. Теперь полно писать: ѣду обѣдать къ Остерману. А стужа 25 градусовъ сегодня. Что дѣлать, надо всѣмъ угодить. А еще остается обѣдъ у князя Потемкина, которой много ла-

ски и учтивства мнѣ оказываетъ. Остаюсь доброжелательный вашъ другъ

Г. П. Ш.

P. S. Катеринѣ Борисовнѣ мое поздравленіе съ Новымъ годомъ.

22.

5-го января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ; благодарствую. А я сколько не крѣпился, чтобы не охрипнуть здѣсь, какъ у всѣхъ здѣсь, нѣтъ охрипъ и другой день сижу дома. Сегодня получше. Все это отъ бельэтажей холодныхъ и нетопленныхъ такъ я терплю, и кормятъ насъ, какъ свиней на убой, то желудокъ притомъ терпитъ. У князя Потемкина обѣдали во всей славѣ. Здѣсь стоитъ великая стужа, и что я ѣлъ, самъ удивляюсь, какъ прошло: сортовъ 10 разныхъ пироговъ и жаркихъ. И самъ онъ занемогъ тѣмъ же: охрипъ, да въ прибавокъ и горло у него болитъ, а то было сегодня условились ѣхать

въ его домъ студеной Аничковской смотрѣть, но на семъ праздникѣ отложили. Ежели я завтра выѣду, то и откланиваться буду, а поѣду воскресеніе, то есть 8 числа сего мѣсяца; а коли выѣду воскресеніе, то и откланяюсь, то поѣду во вторникъ 10 число. И такъ надѣюсь около 20 быть въ Москвѣ. Мнѣ и самому такъ скучилось здѣсь жить, что я очень радъ буду, какъ выѣду отсюдова. Здѣсь все старое по старому скучно, одинъ баронъ веселъ, здѣсь по всѣмъ шинкамъ перебывалъ. Я почти не вижу. Всѣ здѣсь нездоровы и очень скушно препровождаютъ. Я окромѣ антресолей ничего не видалъ и въ Эрмитажѣ не бывалъ, потому что (государыня) безъ себя не приказываетъ итти, а сама будучи не очень здорова. Еще въ мою бытность не было тамъ собранія, то я и надѣюсь, что и уѣду, не видавъ его. И исполнивъ мою цѣль видѣть статую Петра Великаго съ удивленіемъ нѣсколько разъ все смотрю. И при семъ посылаю къ вамъ медаль, каковая ни есть. Князь Потемкинъ подлинно ѣдетъ и будетъ у меня обѣдать въ Москвѣ,

такъ мнѣ далъ слово вѣрно и будетъ только два часа въ Москвѣ. Я очень доволенъ его пріемомъ и ласкою къ себѣ. Какъ генералъ отъ всѣхъ удовольственно принятъ, и насъ всѣхъ кормятъ. Ежели поразтолстѣешь здѣсь, то не ихъ вина, а наша. Мои депутаты почти всѣ разъѣхалися; мало здѣсь осталось. Полно сегодня писать. Всѣмъ маленькимъ мой поклонъ; имъ поразсказать, какъ я надѣюсь отсюдова выѣхать. Остаюсь доброжелательной вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

23.

9-го января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ отъ 2 генваря. Вы уже знаете, что я публичную аудіенцію имѣлъ по моему требованію, а на сей недѣлѣ буду приватно откланиваться и послѣ не пробуду, какъ сутки здѣсь. Я бы и прежде оное исполнилъ, но превеликія здѣсь стужи и мятелицы, которыя были, препятствовали мнѣ. При томъ

и осипъ и возбудилъ мой гемороидъ, простудяся на обѣдѣ у князя Потемкина и Остерманова, въ бельэтажахъ ихъ холодныхъ, гдѣ только одни камины, и принужденъ былъ дня четыре дома сидѣть, и Рожерсонъ былъ у меня, теперь проходитъ. Я ничего окромѣ окулеканкри (?) не принималъ и у меня всегда люди были и обѣдали. Я держу здѣсь столъ. А мои депутаты многіе разъѣхались послѣ обѣда княжева, которой давалъ намъ во всей славѣ и со всею монифецанціею на золоченомъ сервизѣ и десертъ былъ, какъ мой, составленъ изъ разныхъ каменныхъ вещей, только въ непомѣрной стужѣ обѣдали, гдѣ я и охрипъ. Уповаю, что завтра буду откланиваться, а въ среду или четвергъ поѣду отсюдова, то есть 11 или 12 числа сего мѣсяца, что и Рожерсонъ совѣтуетъ мнѣ выѣхать отсюда, видя, что я безпокойно живу здѣсь все въ дыму. И такъ, многаго не видѣвъ, уѣду, объѣхавъ статую Петра Великаго, и пущусь въ дорогу. Всѣмъ живущимъ внизу и Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ и маленькой, у Зубатова живущей тоже,

а ко всѣмъ особливо писать время нѣтъ, а скажи имъ, что я письма ихъ получилъ. Сегодня былъ у великаго князя и я званъ, но не поѣду и выѣду завтра, чтобы откланиваться. Больше сегодня писать не о чемъ. Не знаю, удастся ли еще къ вамъ изъ Чудова писать. Придворный календарь при семъ посылаю; недавно они вышли, и остаюсь доброжелательный вашъ другъ

Г. Петръ Шереметевъ.

24.

12-го января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ. Моя хрипота прошла. Я былъ вчерась во дворцѣ и вечеръ весь пробылъ тамъ. Здѣсь пропасные морозы, все 24 и мало бываетъ меньше градусовъ и то на часъ и два и опять разыграется стужа, но я не взирая на все оное, сбираюсь ѣхать. Сегодня буду откланиваться Государынѣ и великому князю и тутъ узнаю свою судьбину. Какъ

отпущенъ буду, то поѣду въ субботу: то будетъ 14 число сего мѣсяца. И такъ, смотря по погодѣ, какъ доѣду, не могу сказать. Смотря по погодѣ: коли теплая будетъ, то поскорѣе поѣду, а коли холодно, то потише, чтобы не замерзнуть въ дорогѣ. Вотъ новость вамъ пишу: какъ писалъ сіе письмо, то подкинули подъ окошко нѣсколько экземпляровъ, стихи кѣмъ принесенные, отъ кого, не знаю, и кѣмъ подкинутые; нашелъ, изрядно сочиненные и никакого ласкательства нѣтъ, причемъ посылаю одинъ экземпляръ вамъ, а другой отдай маленькимъ обоимъ, а третій въ библіотеку Вороблевскому. Какъ я еще не видѣлъ Эрмитажа, то завтра не будутъ ли мнѣ его казать, то, кажется, навѣрно я въ субботу могу выѣхать отсюдова, тѣмъ моя корреспонденція кончится съ вами. Живущимъ внизу скажи, что я здоровъ и какъ я намѣренъ отсюдова выѣхать. Исполнится ли такъ, не знаю. Впротчемъ все со мною происходитъ какъ начало самое было; съ тою развязностью и милостью продолжается, что уповая на милость

Божію и окончу оное мое послуженіе и ото всѣхъ получа всякое удовольствіе, и угощеніе и желаніе, что всѣхъ вообще, чтобы я здѣсь пробылъ долѣе, онымъ свидѣтельствуетъ всѣми, что мое бытіе здѣсь имъ было пріятно. Больше писать нечего, или лучше ска(за)ть, мнѣ время коротко: надо ѣхать во дворецъ предоставляя и такъ самолично все пересказать, чего за краткостію времени недоставало мнѣ описать всего. Остаюсь навсегда вашъ благосклонный другъ

Г. П. Шереметевъ.

P. S. Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ. Забылъ сказать: сегодня сбирались въ монастырь, но я за стужею не поѣду.

25.

17 января 1783 г. Новгородъ.

Анна Николаевна!

По окончаніи всѣхъ моихъ безпокойствъ и претерпя большія стужи и угощеній бельэтажевъ, избавь Боже всякаго человѣка, какъ хо-

лодно въ нихъ. Охрипнувъ, цѣлую недѣлю не выѣзжалъ съ двора, даже что тѣмъ тронулъ милосердое сердце Ея Величества: сожалѣя обо мнѣ, милостиво изволила ко мнѣ присылать спросить. Все прошло и я опять былъ во дворцѣ, имѣлъ счастіе равно милостиво принятъ быть и откланяться и въ дорогѣ теперь и сіе пишу изъ Новагорода 17; съ маіеромъ Протасовымъ вмѣстѣ обѣдалъ и много старины вспомнилъ, и сегодня же ночевать буду въ Бронницахъ. И такъ, всѣ безпокойства симъ окончилъ и во благополучу отличности тѣмъ же окончаніемъ конецъ свой получили. Остается одно желаніе скорѣе и здорову доѣхать до своего пепелища, всѣмъ съ вами живущимъ сказать, что я въ дорогѣ и не мѣшкаю ѣхать, а Николай Петровичъ остался еще въ Петербургѣ для балу понедѣльничнаго у великаго князя, а гдѣ нагонетъ, я не знаю. Сегодня вторникъ, какъ сіе пишу, не знаю, поспѣю ли воскресеніе пріѣхать къ Москвѣ. Пребывая доброжелательный вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

26.

21-го января 1783 г. Тверь. Въ ночь, суббота.

Анна Николаевна!

Надѣюсь, что ты и всѣ живущіе съ вами знаете, что я выѣхалъ изъ С.-Петербурга и князь Долгоруковъ меня наѣхалъ въ Новѣгородѣ, съ которымъ я къ вамъ и писалъ; надѣюсь, вы оное письмо и получили. Я замѣшкался въ Петербургѣ долѣе, нежели чаялъ. Откланявшись Государынѣ и ѣхать хотѣлъ, но Государыня по утру изволила прислать свой портретъ мнѣ, которой я, видя, похвалилъ быть сходну съ Ея Величествомъ, то опять былъ долженъ въ друго(й) ра(зъ) ѣхать благодарить и откланиваться. Дорога очень дурна и ѣхать поспѣшать никакъ невозможно отъ выбоинъ. Туда было холодно ѣхать, а оттудова очень тепло, и лошадямъ тяжело вести экипажъ. Изъ Твери, гдѣ я взялъ покой половина дня и ночую, при томъ вчерась наѣлся щей, которыя

сдѣлали мнѣ лишняя пакасть и тѣмъ удержало здѣсь до завтрава утра, а завтра поѣду и буду обѣдать въ Завидовѣ, а ночевать въ Клину, а какъ поспѣю въ Москву, самъ не знаю. Сказываютъ, что дорога отъ Клину очень дурна, то и быть къ Москвѣ, то въ понедѣльникъ буду обѣдать въ Пашкахъ, а ночевать въ Черной. И такъ прежде вторника быть въ Москвѣ не могу; сверхъ всего увижу, какъ оно выйдетъ. Вотъ описаніе всего моего вояжа. Здѣсь я накупилъ всякихъ вздоровъ, изъ которыхъ посылаю къ вамъ гостинецъ, которые получите по росписи, писанной Чебаровымъ, и себѣ возьмите и раздадите по адресамъ ихъ и имъ скажите все, что я къ вамъ писалъ и нарочнаго къ вамъ посылаю Якова ѣздоваго.. А я все на досугѣ сидѣлъ, вечеръ великой и дѣлать нечего. Пребывая навсегда доброжелательный вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

P. S. Еще здѣшнихъ коврижекъ кулекъ посылаю, раздѣлите ихъ по всѣмъ.

Послано при семъ:

Настинькѣ:

Платокъ шелковый, саржевый, парчи темной съ серебромъ, замочекъ.

Яшинькѣ:

На камзолъ парчи съ золотомъ, замочекъ.

Маргаритушкѣ:

Платокъ розовый, шелковый, скляночка фарфоровая, замочекъ.

Аннѣ Николаевнѣ:

Парчи темной съ серебромъ, замочекъ.

Катеринѣ Борисовнѣ:

Парчи бѣлой съ серебромъ, замокъ.

Аленѣ:

Платокъ саржевой, парчи бѣлой съ серебромъ, замокъ.

Мадамъ Дувріи: замокъ.

Кому что, на всемъ подписано и разобрать по надписямъ.

27.

23-го января 1783 г. Шоша. Понедѣльникъ, вечеръ.

Анна Николаевна!

Сегодня я доѣхалъ какъ губернскій предводитель въ свою губернію и какъ помѣщикъ въ свою деревню. Ночую сегодня въ Шошѣ, деревня, которая начинаетъ Московскую губернію. Дорога отъ оттепели и мятелицы стала очень дурна и почти все шагомъ ѣхать надобно и выбоины великія сдѣлались. Еже(ли) завтра морозомъ не поправится, то сказываютъ, что отъ Клину очень дурна до самой Москвы. Я завтра буду обѣдать въ Клину, то есть 27 сего мѣсяца. И такъ прямо не знаю, какъ я попаду въ Москву, куда доѣхать великое желаніе мое, чтобы избавиться всѣхъ толковъ, получаемыхъ отъ худой дороги, и все болитъ отъ толчковъ получаемыхъ. Мнѣ мужики здѣсь поднесли стерлядей, изъ которыхъ посылаю одну тебѣ, а другую отдай Аленѣ, а третью

отдай маленькимъ и скажи имъ обо мнѣ, гдѣ я и какъ я. Вчерась я послалъ изъ Твери Яшу къ вамъ съ письмомъ и гостинцами тверскими, надѣюсь, все оное получили. И такъ увѣдомя васъ о себѣ, пребываю навсегда доброжелательный вашъ другъ

Г. П. Шереметевъ.

Повидимому, Калмычки не разрывали сношеній и съ своими земляками, между которыми у нихъ были и близкіе. Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующимъ письмамъ:

1.

27-го апрѣля 1786 г. Москва.

Любезная сестрица Анна Николаевна!

Извѣщаю васъ, что я сего числа съ господиномъ моимъ, владѣльцемъ Бодогоемъ, въ Москву благополучно прибылъ и остановились квартирой въ Таганкѣ въ домѣ Гусятникова. Желательно мнѣ съ вами повидаться, но только на оной разъ отъ владѣльца отбыть не могъ,

а когда Богъ благоволитъ, то уже завтра. Причина же та, что я не знаю, гдѣ сыскать вашего дома. Когда вамъ благоугодно будетъ, прошу прислать нарочнаго человѣка. Впрочемъ остаюсь на всегда братъ вашъ

Джамба Гелюнъ.

2.

27-го мая 1786 г.

Любезныя мои сестрицы, Екатерина Борисовна и Анна Николаевна!

Добраго здравія вамъ желаю! Извѣщаю вамъ, что мы сего теченія 19 дня въ С.-Петербургъ благополучно прибыли и находимся по Литейной улицѣ противъ полковой (Преображенскаго полка) канцеляріи. О семъ донеся, покорнѣйше прошу утолить мою жажду желанія слышать вашего благополучнаго пребыванія. Я бы желалъ всегда наслаждаться зрѣніемъ пріятно отмѣннаго по милости господъ вашихъ пребыванія. Но какъ будучи подобострастенъ власти

того совсѣмъ лишаюсь. Я считаю несчастною сего вѣка перемѣну, которая отдѣлила насъ другъ отъ друга столь далеко и прекратя оное, остаюсь на и всегда со искреннимъ моимъ къ вамъ почитаніемъ и пребуду государыни сестрицы вашъ покорный слуга и братъ

Джамба Гелюнъ.

3.

Государынямъ моимъ, любезнымъ сестрицамъ, Екатеринѣ Борисовнѣ и Аннѣ Николаевнѣ!

Желаю вамъ отъ всего моего усердія здравія и всякаго блгополучія. Чрезъ сіе увѣдомляю, любезныя мои сестрицы, я васъ о себѣ, что мы изъ Москвы отправились въ Петербургъ сего мая 13 числа всѣ благополучно, а вамъ желаю оставаться также благополучно жъ. Даруй Богъ, чтобъ впредь видѣться мнѣ съ вами, возвратяся изъ Петербурга. И тако, отдая вамъ мое нижайшее почтеніе, и остаюсь братъ вашъ

Денбу Гелу.

По возвращеніи изъ Петербурга, графъ Петръ Борисовичъ уже не покидалъ Москвы и ея окрестностей. Не смотря на преклонные годы и на припадки подагры, онъ велъ подвижную жизнь, оставаясь въ любимомъ своемъ Марковѣ, въ Мещериновѣ или въ лѣсахъ Троицкихъ, но болѣе всего и съ увлеченіемъ предавался онъ искусству. Основанный имъ театръ, заботы о художественномъ образованіи крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и хлопоты хозяйственныя занимали его до послѣдняго дня. Въ 1787 г. онъ въ послѣдній разъ принималъ въ Кусковѣ императрицу Екатерину II, причемъ, несомнѣнно, присутствовала и Анна Николаевна; но семейная его жизнь была разрушена потерею старшихъ дѣтей и жены. Меньшая его дочь была глубоко несчастлива въ бракѣ и причиняла не мало заботъ. Сынъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, и любимый отцемъ жилъ своею жизнью. Правда, что въ домѣ росли другія дѣти, но они не могли служить связью съ дорогимъ для него прошлымъ. Въ лицѣ Анны Николаевны, лю-

бимой воспитанницы его жены, удерживалась эта связь съ минувшимъ. Съ годами ея присутствіе сдѣлалось для него необходимостью. Она была развита и умна и могла быть пріятною собесѣдницею. Они жили неразлучно, что не мало раздражало приближенныхъ и въ особенности библіотекаря Вороблевскаго.

Слѣды постоянныхъ заботъ объ Аннѣ Николаевнѣ встрѣчаются весьма часто въ бумагахъ домашняго архива. Для примѣра можетъ послужить слѣдующее письмо камердинера графа Петра Борисовича Ивана Чюбарова:

6-го марта 1785 г.

Государь мой Петръ Александровичъ!

Письмо ваше и притомъ газеты и образцы матерій получилъ, которые его сіятельству графу и объявлялъ, и его сіятельство графъ Николай Петровичъ ихъ изволилъ смотрѣть, только ничего не понравилось изъ присланныхъ образцовъ. Его сіятельство графъ изволилъ выбрать на платье Аннѣ Николаевнѣ и Аленѣ Степановнѣ двѣ объяри, по которымъ

изволилъ указать, чтобъ всякой что по ширинѣ ея надобно на дамское фовельное платье, сторговавши, купя прислать по тяжелой почтѣ. Цѣна имъ подписана по 3 р. 50 к. аршинъ.

Вамъ милостивому государю моему покорный слуга

Иванъ Чюбаровъ.

Кончина графа Петра Борисовича (30-го ноября 1788 г.) не могла не отразиться на положеніи Анны Николаевны и Екатерины Борисовны, хотя сынъ его и продолжаетъ ихъ поддерживать, какъ воспитанницъ матери.

30-го марта 1789 г. встрѣчаемъ такое распоряженіе домовой канцеляріи:

Настасьѣ Петровнѣ и Маргаритѣ Петровнѣ, также и Аннѣ Николаевнѣ къ будущему празднику Св. Пасхи указалъ я выдать на платье по 50 р. каждой, что и исполнить.

Графъ Николай Шереметевъ.

Сохранилось слѣдующее письмо графа Николая Петровича къ Аннѣ Николаевнѣ отъ

1796 года, когда она уже вышла замужъ за Петра Ивановича Фатьянова:

26 августа 1796 г.

Анна Николаевна!

Пріятнѣйшее ваше письмо получилъ я съ удовольствіемъ и за изъясненное въ немъ поздравленіе съ полученіемъ мною монаршей милости свидѣтельствую вамъ и Петру Ивановичу мою благодарность. Прошу и впредь продолжать пріязненные ваши ко мнѣ расположенія, а я съ искренностью пребуду вамъ на всегда

вѣрный вашъ слуга

графъ Николай Шереметевъ.

Кратковременная болѣзнь и довольно быстрая кончина графа Петра Борисовича круто измѣнили всѣ порядки въ домѣ. Правда, что единственный сынъ и наслѣдникъ имущества глубоко чтилъ отцовскую память и подобно ему и даже гораздо болѣе увлекался искусствомъ; но складъ характера его былъ иной. И при немъ Аннѣ

Николаевнѣ хорошо жилось въ домѣ, и ей оказано было все прежнее вниманіе, но годы шли и невольно представлялся вопросъ о будущемъ, невольно мысли склонялись къ обезпеченію самостоятельнаго положенія путемъ брака.

Въ одномъ изъ писемъ Василія Сергѣевича Шереметева къ графу Николаю Петровичу упоминается горячо рекомендованный имъ Фатьяновъ. Они были сослуживцами и, повидимому, пріятелями. Знакомство становится вполнѣ понятнымъ, а послѣдствіемъ его былъ бракъ Анны Николаевны съ Фатьяновымъ.

Петръ Ивановичъ Фатьяновъ, изъ дворянъ Костромскаго помѣстья Галичской округи, родился въ 1757 году. Въ военную службу зачисленъ въ 1767 г. Произведенъ въ чинъ прапорщика 21 августа 1778 г., въ поручики 25 декабря 1784 г., въ капитаны 1 января 1788 г., въ секундъ-маіоры за штурмъ Очакова 6 декабря 1788 г. Вышелъ въ отставку и произведенъ въ чинъ премьеръ-маіора 28 августа 1795 г. При штурмѣ Очакова Фатьяновъ служилъ въ

Астраханскомъ гренадерскомъ полку, а около 1792 г. сначала въ Полтавскомъ легкоконномъ полку, а затѣмъ въ конно-гренадерскомъ, изъ котораго и получилъ отставку по болѣзни. Въ 1796 г. П. И. Фатьяновъ состоялъ по особымъ порученіямъ при правителѣ Волынскаго намѣстничества генералъ-маіорѣ Василіи Сергѣевичѣ Шереметевѣ, который въ 1788 году сдалъ Полтавскій легко-конный полкъ, переименованный въ казачій полкъ булавы великаго гетмана, новому полковому командиру подполковнику Раевскому; въ 1791 г. Василій Шереметевъ былъ уже бригадиромъ, а въ 1795 г. генералъ-маіоромъ.

Въ 1806 — 1807 гг. Фатьяновъ былъ Галичскимъ предводителемъ дворянства.

Въ штатахъ 1789 года значится:

„При Аннѣ Николаевнѣ: дѣвушка 1, мальчикъ для прислуги 1“.

Отъ 31 марта 1789 г.: „Калмычкѣ Катеринѣ Борисовнѣ вмѣсто того, что прежде выдавалось ей на платье къ Петрову дню, выдать нынѣ 45 р.“

Донынѣ сохранилась картина, висѣвшая по описи въ комнатѣ, занимаемой Анной Николаевной въ Кусковѣ. Писана она масляными красками и принадлежитъ кисти русскаго художника.

Возможно, что картина эта кисти Ивана Аргунова, писавшаго вообще портреты, но утверждать этого нельзя; впрочемъ, картина написана не дурно и по сюжету своему довольно оригинальна.

До 1897 г. она висѣла въ Кусковѣ, откуда перевезена въ Петербургъ, въ нашъ Фонтанный домъ.

Несомнѣнно, что какъ Анна Николаевна, такъ и Екатерина Борисовна были калмычки. Но послѣдняя постоянно подписывается „Куракина“, и это вводитъ въ заблужденіе. О дружбѣ князя Александра Борисовича Куракина съ графомъ Николаемъ Петровичемъ извѣстно. Но въ числѣ современниковъ здравствовалъ тогда князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ, который въ 1800 году женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой, двоюродной

сестрѣ Софьи Михайловны Вишневской. Отсюда связь съ Вишневскими, о которыхъ упоминаетъ Екатерина Борисовна въ своемъ письмѣ. Приводимъ здѣсь письмо Ѳ. Вишневскаго къ П. И. Фатьянову:

16-го іюля 1796 г. Село Гагарино.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 3 сего мѣсяца я съ наипріятнѣйшимъ удовольствіемъ моимъ имѣлъ честь получить и за дружеское ваше о мнѣ напамятованіе искреннюю благодарность мою симъ вамъ свидѣтельствую. Я сердечно порадовался, узнавши, что вы съ любезною фамиліею вашею въ желаемомъ мною вамъ здоровьѣ находитесь, безпрерывнаго продолженія чего навсегда я вамъ желаю. О себѣ вамъ скажу, что я съ семьею моею, благодареніе Богу, въ отрадномъ состояніи здоровья нашего находимся и довольно весело время проводимъ, могли бы и лучше оное проводить, если бы время постоянно было, но частые дожди съ громомъ съ молніею въ томъ препятствуютъ.

Милостивой государынѣ моей Аннѣ Николаевнѣ искреннѣйшее почитаніе мое свидѣтельствую и препоручаю себя въ напамятованіе, а любезныхъ дѣтокъ вашихъ Варвару Петровну и милаго моего крестника Петра Петровича стократно цѣлую. Желаю имъ добраго здоровья. Милостивой государынѣ моей Катеринѣ Борисовнѣ истинное почитаніе мое свидѣтельствую, напоминаю объ обѣщаніи ея намъ, чтобы къ намъ въ деревню пріѣхать, о исполненіи котораго я ни малаго сомнѣнія не имѣя, посылаю при семъ для пріѣзду и нужный экипажъ и нетерпѣливо ожидать буду, чтобы увидѣть въ деревнѣ своей милую для насъ гостью. Я покорно васъ прошу нижайшее почитаніе мое свидѣтельствовать ея превосходительству милостивой государынѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ и когда будете писать къ Аленѣ Сергѣевнѣ, то таковое же ей отъ меня изъявить, чѣмъ меня обяжете. Затѣмъ писать къ вамъ болѣе ничего не имѣю, а только пожелавъ вамъ всякаго благополучія и здоровья, съ истинною привязанностью моею и почи-

таніемъ остаюсь, милостивый государь мой, покорный вашъ слуга

Өедоръ Вишневскій.

PS. Еще васъ прошу, когда увидите Андрея Алексѣевича, прошу ему искреннее почтеніе мое засвидѣтельствовать.

26-го октября того же 1796 года Марія Вишневская пишетъ Аннѣ Николаевнѣ:

Je vous félicite ma très chère et digne amie avec le jour de nom de votre cher époux et avec celui de votre charmante petite-fille. Comment vous marquez les voeux que je forme pour leur bonheur, tout ce que je vous dirai, c'est que si un jour ils s'accompliront, vous pouvez être persuadée qui'ls seront parfaitement heureux. Au reste n'aspirant à rien autre chose qu'au plaisir de vous voir, je suis et je serai pour la vie votre très attachée et sincère amie.

Marie Wischnefsky.

J'embrasse de tout âme vos chers petits enfants.

Ѳеодосія Вишневская пишетъ:

Recevez aussi mes très humbles remerciements pour votre bon souvenir à mon égard. Soyez persuadée que j'en suis très sensible, au reste je vous dirai que ma soeur a été bien malade; c'est pour quoi elle est privée du plaisir de vous avoir elle même. Je suis en vous souhaitant une parfaite santé et tout le bonheur imaginable, je vous prie de me croire à jamais.

Votrs très humble servante.
Theodosie de Wischneffsky.

PS. Vous aurez la complaisance de présenter bien mes respects à Петръ Ивановичъ et d'embrasser de ma part vos charmants petits enfants.

Сохранилось слѣдующее письмо Mariette Wischneffsky, безъ начала:

Quoique ma lettre est assez longue, mais pourtant ne pensez pas ma belle dame que je puisse oublier que vous avez commis un péché

qui n'est pas des plus petits; primo: уничиженіе паче гордости, скрытый талантъ да будетъ проклятъ. Comment vous avez le coeur de dire dans votre dernière lettre que vous voulez vous mêler d'une chose, donc sûrement vous acquiterez parfaitement bien, mais ce n'est plus agir en chrétienne que de dire. *Je vais me mêler d'une chose donc sûrement je m'acqui terai très mal.* Non ma chère, ce n'est pas avec votre esprit que l'on pourrait si l'on voulait même, s'acquiter mal de quelque chose aussi vous aurez la complaisance de ne plus me régaler avec de pareilles choses...

Je suis votre très sincère et attachée amie.

Mariette Wischnefsky.

PS. Encore une grâce à vous demander. Si vous aurez (sic!) l'occasion de voir княжну Елену Петровну, ma chère, de lui présenter bien mes respects, aussi à son aimable nièce mes compliments, de même à la demoiselle qui loge chez la princesse. Si vous entendrez de quelques mariages, de quelques nou-

veautés, de quelque mort, faites-moi je vous prie savoir, car tout cela m'intéresse à l'excès dites aussi ma chère ce que fait le quai, le vauxhalle si on se rappelle de nous—ou peut être nous sommes hors des pensées de tout le monde, je crois que le dernier pourra mieux se vérifier. Adieu, ma chère.

Приписка Екатерины Борисовны:

Мнѣ очень жаль, сестрица, что вы не прислали ко мнѣ письма графини Авдотьи Ивановны, а больше что то мнѣ грустно, когда они будутъ въ Москвѣ, а меня нѣтъ. Я надѣюсь, матушка, что вы попользуете ихъ пріѣздомъ, хотя и на долго можетъ быть. Когда вы получите это письмо, то Петръ Ивановичъ уже возвратится изъ Владиміра. Желаю для васъ, прошу сказать ему искренній поклонъ и за меня его поцѣловать.

Проклятый городничій не присылаетъ писемъ; видно, что должно будетъ и это письмо посылать, не получивши вашихъ. Прости, матушка сестрица.

Изъ письма Вишневскаго видно, что въ это время Екатерина Борисовна живетъ вмѣстѣ съ Анной Николаевной Фатьяновой, которую постоянно называетъ „сестрицей“. Судя по нижеприводимымъ письмамъ Екатерины Борисовны, видно, что она переѣхала жить къ Вишневскимъ.

1.

8-го августа 1796 г. Село Гагарино.

Любезная сестрица Анна Николаевна!

Вчерашній день я получила ваше письмо, писанное отъ 30 числа прошлаго мѣсяца и сердечно радуюсь, матушка сестрица, что вы, благодаря Бога, здоровы со всею своею любезною и милою семьею, какъ паче, что милая Варинька, слава Богу, получше и помнитъ свою тетиньку. Прошу ее поцѣловать за это лишній разъ. По пріѣздѣ моемъ въ Гагариново и самый тотъ день писала къ вамъ, ибо изъ города Раненбурга былъ секретарь, то ему отдали письма для пересылки, ибо изъ городу

почта отправляется по воскресеньямъ рано и затѣмъ по пятницамъ отсюда посылаютъ почту, ибо 20 верстъ до городу, гдѣ я вчерашній день была съ любезными своими хозяевами и обѣдали у городничаго. Человѣкъ превеселый и преуслужливый, и у него получили свои письма изъ Москвы и изъ Петербурга, чѣмъ я очень была обрадована; только теперь я желаю знать нетерпѣливо, получили ли вы мое письмо изъ Тулы, въ которомъ я положила ваши 10 р. и письмо къ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ и прошедшую почту Ѳедоръ Гавриловичъ писалъ къ вамъ и адресъ написалъ на васъ прямо, а не чрезъ домъ свой. Еще они удивляются, что вы не получили отъ нихъ письма, которое они писали послѣ отправки лошадей за мною. Вы, матушка сестрица, отгадали, что вся скука отъ дальной дороги вознаградится дружбой и ласкою любезныхъ хозяевъ. Душевно сожалѣю, матушка сестрица, что васъ только мнѣ недостаетъ и что часто не могу получать отъ васъ извѣстій, а то право весело. И село барское, положеніе пре-

8

красное. Съ Марьею Федоровною живу въ одной комнатѣ и она столько занимается мною, что желать больше не могу. Еще обѣдали у сосѣда Новикова, самый близкій, и въ городѣ у всѣхъ были съ визитами и я уже половину городскихъ или лучше сказать что есть лучшее знаю. Любезному Петру Ивановичу искреннюю приношу мою благодарность за его приписаніе и радуюсь, что онъ здоровъ и не поѣдетъ въ Владиміръ, что меня крайне утѣшило и кланяюсь ему искренне. Марѳѣ Ивановнѣ и Андрею Петровичу усердно кланяюсь и покорно благодарю ихъ, что они помнятъ меня. Петрушу цѣлую и желаю, чтобъ онъ началъ ходить къ моему пріѣзду. Княжнѣ Аленѣ Петровнѣ и любезной Софьѣ Григорьевнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ истинное мое почтеніе и усердіе, васъ цѣлую душевно и желаю, матушка сестрица, чтобъ вы были совершенно здоровы и спокойны и милость Божія со всѣми милыми вашими дѣтушками и надъ вами.

Андрею Алексѣевичу искренне кланяюсь и покорно его благодарю, что посѣщаетъ

васъ, а я надѣюсь, что онъ будетъ и самъ писать ко мнѣ и къ Ѳедору Гавриловичу, ибо онъ самъ къ нему писалъ, ежели вы получите наше письмо отъ 2 августа; прости матушка сестрица, остаюсь покорная вамъ сестра и другъ

Екатерина Куракина.

Другою рукою:

Любезному моему Петру Ивановичу мое почтеніе! Вариньку и Петиньку цѣлую.

Здѣсь я научилась экономіи, какъ сберегаются лимоны свѣжіе, въ песокъ чистый и сухой положить лимоны, чтобъ другъ съ другомъ не касались, то даже въ зиму будутъ цѣлы и свѣжи. Наталья моя вамъ всѣмъ почтеніе свое свидѣтельствуетъ, а отъ меня всѣмъ бабамъ мой поклонъ; Ѳедоръ Гавриловичъ приказалъ вамъ и Петру Ивановичу кланяться.

2.

18-го октября, 1796 г. Село Гагарино.

Матушка сестрица Анна Николаевна!

Я по сіе время все еще собираюсь ѣхать въ ожиданіи пріѣзда Гаврила Ѳедоровича изъ Москвы. Однако онъ еще не пріѣхалъ и время приходитъ зазимнее, то можетъ быть, что я уже по пути пріѣду къ вамъ. Сегодня идетъ снѣгъ препорядочный и ежели подморозитъ послѣ, то дня черезъ три будетъ и хорошій путь, то на полозкахъ въ розвальнѣ я могу доѣхать и въ четыре дня, почему я и не могу вамъ навѣрное сказать, когда выѣду отсюдова, однако надѣюсь, что въ концѣ сего мѣсяца буду имѣть удовольствіе увидѣться съ вами, моя любезная сестрица, и я сію почту въ запасъ пишу къ вамъ, ибо можетъ быть, что вы оное получите и за день прежде меня, а можетъ случиться, что и по пріѣздѣ моемъ. Мнѣ, матушка сестрица, очень грустно, что вы пишите отъ 2 числа сего мѣсяца, что

моихъ писемъ не получаете, а я право всякую почту пишу вамъ съ удовольствіемъ, будучи увѣрена; только грустно не получать отъ своихъ родныхъ. Милые и любезные хозяева всѣ вамъ кланяются и очень сожалѣютъ, что я сбираюсь ѣхать, отчего и мнѣ право очень грустно .ихъ оставлять, но въ надеждѣ, что они и сами не замѣшкаютъ и пріѣдутъ по пути хорошему.

Петру Ивановичу мое усердное почтеніе, милыхъ и любезныхъ Вариньку и Петрушу цѣлую и васъ также. Прости матушка! Будьте здоровы для вѣрной твоей сестры и друга

Екатерина Куракина.

Другою рукою.

Любезная моя и милая Анна Николáевна!

Я увѣрена, что письмо мое принесетъ очень пріятную новость, на сихъ дняхъ отправится отъ насъ наша неоцѣненная и ваша любезная сестрица Катерина Борисовна. Боже мой, какъ я себѣ живо представляю ваше удодольствіе, ваше утѣшеніе, которое будете имѣть,

свидившись съ нею, но представляю же себѣ и мое положеніе. Какая проклятая разница, но что дѣлать; надо, чтобы знать цѣну удовольствія, прежде узнать и горесть. Но совсѣмъ тѣмъ вы не повѣрите, какая на меня смертная тоска, къ тому же и мать все не здорова. Я увѣрена, моя милая, что сіи послѣднія новости вамъ немного принесутъ удовольствія и для того перестаю писать, прося васъ о сохраненіи вашей любви и дружбы, которымъ по вѣкъ мой буду знать цѣну. Затѣмъ прощайте моя милая, желаю вамъ быть здоровымъ и веселымъ, и любезному моему Петру Ивановичу свидѣтельствую мое почтеніе, милыхъ вашихъ малюточекъ цѣлую. Алек. Ѳеод. и Ѳенюшка вамъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе и благодарятъ за ваше памятованіе объ нихъ.

Адресъ: Милостивой государынѣ Аннѣ Николаевнѣ, ея высокоблагородію Фатьяновой, въ приходѣ Іоанна Предтечи, въ домѣ секретаря Попова, близь казеныхъ бань въ Москвѣ.

По письму Фатьянова къ графу Николаю Петровичу отъ 1799 года можно предположить,

что ея уже нѣтъ въ живыхъ, такъ какъ, упоминая о дѣтяхъ, онъ объ ней не говоритъ ни слова. Нельзя не замѣтить, что дѣтей своихъ она назвала по именамъ тѣхъ, отъ кого получила воспитаніе. Дочь ея называлась Варвара, а сынъ Петръ. Вотъ это письмо:

1799 г. ноября 28. Москва.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Пріемля смѣлость принесть мое усерднѣйшее поздравленіе со днемъ ангела вашего сіятельства, а равно и маленькіе мои приносятъ свое усерднѣйшее поздравленіе Вашему Сіятельству съ пожеланіемъ нашимъ душевнымъ препроводить сей день многія лѣта въ совершенномъ благополучіи и съ душевнымъ спокойствомъ. Поруча себя и дѣтей въ милость вашего сіятельства, съ глубочайшимъ и непремѣннымъ почитаніемъ и душевной преданностью во всю мою жизнь пребыть честь имѣю вашего сіятельства милостивый государь усерднѣйшій слуга

Петръ Фатьяновъ.

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

18-го декабря 1800 г. Галичъ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Пользовавшись всегдашнимъ благодѣяніемъ и милостію вашего сіятельства пріемлю смѣлость принесть мое усерднѣйшее поздравленіе въ наступающемъ праздникѣ Рождества Христова, а равно и малютки мои усерднѣйше поздравляютъ съ пожеланіемъ нашимъ душевнымъ препроводить сей день многія лѣта въ совершенномъ благополучіи и съ душевнымъ спокойствіемъ. При проявленіи нашего усерднѣйшаго поздравленія съ глубочайшимъ почтеніемъ пребыть честь имѣю вашего сіятельства милостивый государь покорный слуга

Петръ Фатьяновъ.

Мы не знаемъ, когда и почему Екатерина Борисовна разсталась съ Вишневскими. Только изъ слѣдующаго ея письма къ графу Николаю Петровичу отъ 1804 года мы видимъ, что она переѣхала къ Прасковьѣ Михайловнѣ Раевской.

28-го ноября 1804 г.

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Николай Петровичъ!

Спѣшу принести должную и глубочайшую мою благодарность вашему сіятельству за плодотворное ваше подаяніе мнѣ въ моей несчастной болѣзни, которая продолжается чуть не два года! Я искреннѣйше и покорнѣйше благодарю ваше сіятельство за присланные 500 рублей, которые истинно меня спасли въ разсужденіе моей несносной болѣзни и мучительной болѣзни, платя штабъ-лекарю и за лекарствы, чѣмъ я получила себѣ пользу; за что я и молю всевышняго Создателя за ваше дражайшее здравіе и за любезнѣйшаго вашего сына за графа Дмитрія Николаевича, я цѣлую ваши дорогія ручки благотворивъ, и имѣю честь поздравить ваше сіятельство со днемъ вашего ангела, съ душевнымъ желаніемъ продолженія дражайшихъ вашихъ лѣтъ для благодѣянія и милостей, за что милосердный Богъ вознаградитъ вамъ сторицею и утѣшитъ дорогимъ вашимъ наслѣдникомъ,

чтобъ онъ благодѣяніями и милосердіемъ уподобился вамъ; о чемъ я и молю и прошу Бога на всякій день объ вашемъ здравіи, также и за ея сіятельство за графиню Варвару Петровну за сестрицу вашу, что чрезъ сіе объясненіе объ моемъ несчастномъ положеніи я получила благодѣяніе отъ васъ, которое именно, могу сказать, меня оживотворило духомъ и тѣломъ и еще припадая къ вашему сіятельству, цѣлую ваши щедрыя руки отъ чувства и благодарности.

А я теперь по милости генеральши Прасковьи Михайловны Раевской живу у нея; она по благотворенію своему не хотѣла меня допустить, чтобъ я по необходимости моей продолжительной болѣзни за нужное считала войти въ больницу князя Голицына, но она пожаловала мнѣ у себя флигелецъ, чтобъ въ немъ жила, покуда выздоровѣю, и съ мая мѣсяца я на всемъ ея содержаніи поживаю; а теперь, Богъ дастъ, мнѣ полегче, то должна подумать о себѣ, чтобъ основать себя на будущіе годы, о чемъ и прошу вашего сіятельства помощи и совѣта, такъ какъ благодѣтеля и милостивца

своего, надѣясь на ваше милосердіе и великодушіе къ бѣднымъ и наипаче въ вѣчную память въ Бозѣ почивающей ея сіятельства графини вашей Прасковьи Ивановны, какую нибудь сдѣлать мнѣ помощь отъ щедротъ вашихъ и во здравіе вашего сіятельства и дражайшаго вашего наслѣдника и ангела невиннаго графа Дмитрія Николаевича. Препоруча себя Богу и вашему сіятельству съ глубочайшимъ нижайшимъ должнымъ моимъ почтеніемъ и преданностію пребуду и вашего сіятельства, милостивый государь, навсегда благодарнѣйшая и покорнѣйшая услужница

Екатерина Куракина.

На этомъ письмѣ кончается переписка.

Князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ братъ Александра и Алексѣя. Его именемъ названо село Степановское, нынѣ принадлежащее А. А. Нарышкиной.

Родился онъ 2 іюля 1754 года, а умеръ 8 іюля 1805 г. Женатъ онъ былъ на пле-

мянницѣ кн. Николая Васильевича Репнина-Нарышкиной, но съ нею развелся и женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой, которая дожила до 1843 года въ своемъ домѣ у Красныхъ воротъ въ Москвѣ.

Вишневскіе, пріютившіе у себя Екатерину Борисовну (подписывавшеюся Куракиной), были родственники Е. Д. Измайловой-Куракиной.

Близость Александра Борисовича Куракина и Николая Петровича Шереметева уже видна въ 1770 году, когда черезъ 3 года послѣ смерти графини Варвары Алексѣевны они отправились заграницу и вмѣстѣ занимались въ Лейденскомъ университетѣ.

Дальнѣйшая судьба двухъ Калмычекъ намъ неизвѣстна и гдѣ онѣ похоронены, остается также невыясненнымъ.

Анна Николаевна жила въ большомъ Кусковскомъ домѣ, гдѣ она имѣла свои покои— на углу отъ сада и отъ церкви, въ верхнемъ этажѣ. Въ нее вела лѣстница снизу съ веревкой обшитой зеленымъ сукномъ, на стѣнѣ первой комнаты картина, изображающая рыбу

и горшки, писанная на полотнѣ [1]). Въ комнатѣ висѣлъ фонарь, круглый, стеклянный, стѣны обиты бумажками по малиновой землѣ сотканныя красныя травы, шкафъ китайскій, черный, росписанъ золотомъ, лакированный старый переплетъ китайскій за стекломъ.

У окна завѣсъ зеленый роспашной, простой сосновый столъ.

Въ спальнѣ Анны Николаевны стѣны обиты нѣмецкими бумажками цвѣтными, столикъ нахтышный дубовый, другой дубовый же съ выдвинутымъ ящикомъ, два стула березовыхъ, сидѣнья и спинки обиты краснымъ сафьяномъ.

У двухъ оконъ завѣсы распашныя зеленыя, тутъ же два шкафа и стулъ съ овальною спинкою, обиты желтымъ сафьяномъ, а другой простой, подушка кожаная ветхая. Въ домѣ дѣвичьи комнаты.

Такова обстановка, сохранившаяся къ 1812 году; согласно описи того времени комнаты Анны Николаевны сохранились донынѣ.

---

[1]) Картина эта донынѣ сохранилась.

Къ нимъ ведетъ все та же лѣстница прямо изъ сада въ верхній этажъ.

Заканчивая эти строки, вызванныя перепискою А. Н. Фатьяновой, невольно оглянешься на судьбу двухъ дѣвушекъ, достигшихъ благосостоянія и извѣстности подъ гостепріимнымъ кровомъ дочери князя Черкаскаго.

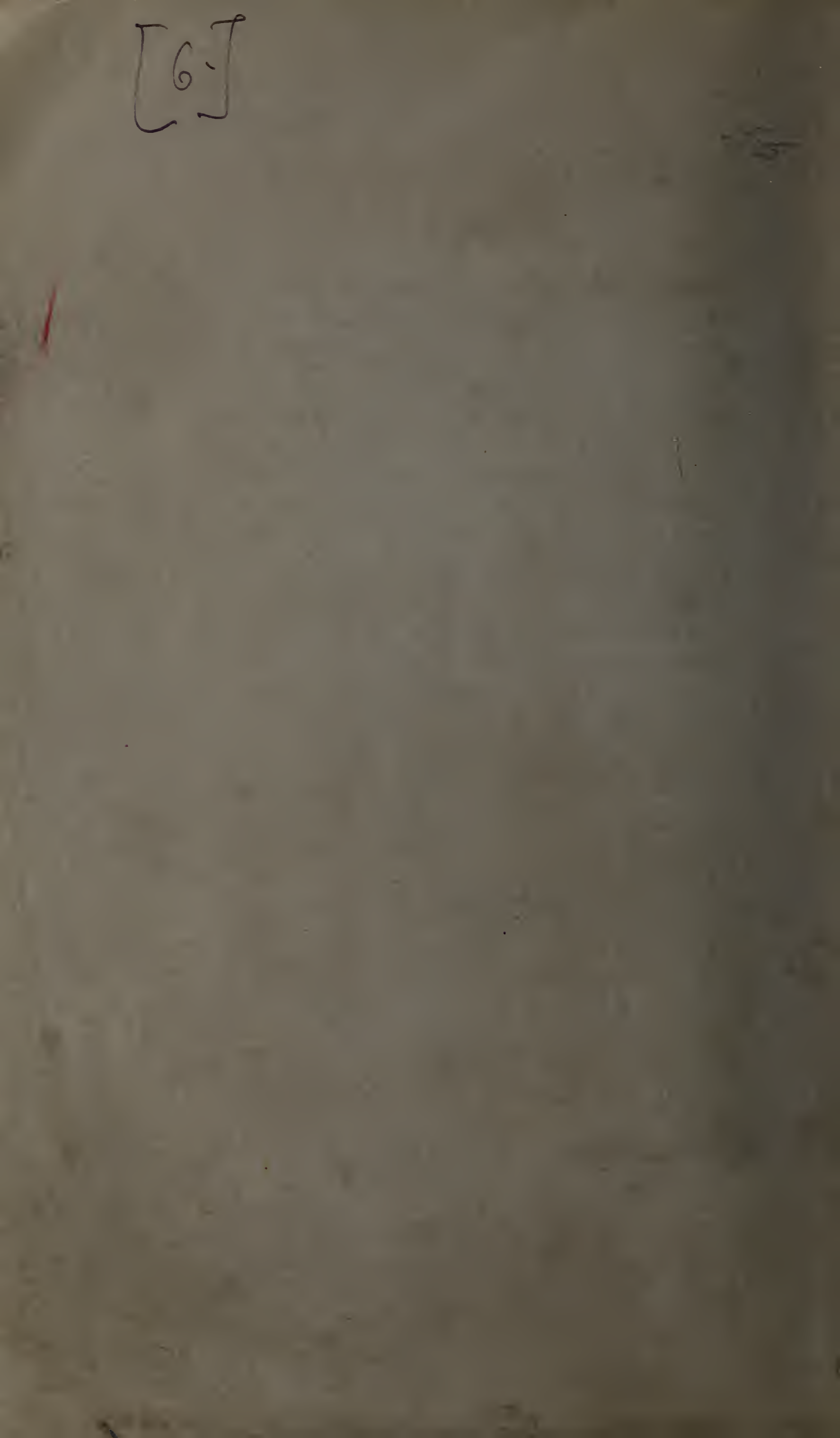
Судя по сохранившемуся донынѣ въ Кусковѣ портрету, у Анны Николаевны были выразительные темные глаза, „глазушки твои таракашки“ говоритъ графиня Варвара Алексѣевна. На ней красное платье и на рукѣ браслетъ, живая и умная — она не только способна была къ себѣ привлечь, но могла и внушить чувство искренней и неизмѣнной дружбы. Она еще далеко не взрослая и годъ, отмѣченный на портретѣ Аргунова, это годъ кончины графини Варвары Алексѣевны. Въ числѣ сохранившихся въ Кусковѣ предметовъ по описи значится: „восковой портретъ Анны Николаевны“; изъ той же описи видно, что портретъ калмычки „въ овальной рамѣ“—это портретъ Екатерины Борисовны. Слѣдовательно,

теперь можно съ увѣренностью сказать, что портретъ, помѣщенный вначалѣ этой книги, — портретъ Анны Николаевны Фатьяновой, такъ какъ ихъ всего два: одинъ въ овальной, другой въ четыреугольной рамѣ. Въ „Описи“ прямо сказано: „портретъ Анны Николаевны подъ № 28 въ рамѣ четыреугольной“.

„Двѣ Калмычки“ не служатъ ли олицетвореніемъ извѣстной бытовой черты нравовъ XVIII вѣка? Мы строго относимся къ „поврежденію“ этихъ нравовъ, но все ли было тогда такъ мрачно, какъ изображаютъ его иные современники?..

Г. С. Ш.

С.-Петербургъ.
24-го марта 1898 г.

[6]